

Руки прочь, профессор

Автор:

Джина Шэй

Руки прочь, профессор

Джина Шэй

Декан и холера #1

Что должен сделать порядочный профессор, узнав, что его студентка работает стриптизершей? Использовать любую возможность, чтобы спасти душу этой несчастной! Выгнать её из универа, когда не получится! Ни в коем случае не искушаться её длинными стройными ногами...

Что делать, если мне достался непорядочный профессор?

Содержит нецензурную брань.

Джина Шэй

Руки прочь, профессор

1. Мой враг, моя тайна

- Эй, детка, сколько хочешь за то, чтоб покрутиться на моем шесте?

Сальный выкрик сменяет неприятный хохот пьяненьких ублюдков. Уши режет.

Я заставляю себя не слышать голоса, слушать музыку. А не слушать, так хоть вспоминать...

Гибкое тело, блестящий купальник принцессы Леи и две завитушки волос по бокам. Из роскоши, доступной мне – золотая маска на пол-лица.

Я хотела на все лицо, но Марк – хозяин клуба – сказал, что с такими условиями я могу валить искать другую работу. Он не будет тратить свое время на стриптизершу, которая хочет показывать только тело.

– Пойми, киса, – он объяснил тогда снисходительно, – всем похрен на твои глаза, но не похрен на губы. Да, представь себе, наши клиенты хотят видеть рты девочек. Губки, на которые они хотели бы кончить. Хочешь скрывать лицо – иди в веб-кам. Там не важна эстетика, зато нужно уметь делать десять сквиртов на камеру за час. Сможешь?

Я не стала уточнять, что такое сквирт. Побоялась... Не пройти собеседование.

Золотую масочку он мне все-таки разрешил, но я в ней сомневалась. Бестолковая она была. Маска для антуража, не для того, чтобы хоть как-то защитить меня. Нет.

Все сейчас смотрят на меня и видят. И хотят. Судя по количеству летящего на подиум бабла – очень хотят.

Думать об этом тошно. Но реальности похрен на мою дурноту, не закончу номер – не получу денег. А деньги мне пиздец как нужны. Много!

Я научилась никого не видеть. Никого не слышать. Посвящать себя только танцу, твердому шесту, единственной своей точке опоры.

Ох, папа, папа...

Помню, как записалась на стрип-пластику вместо балета. Хотела тебе досадить.

Такая дура. Сейчас все бы отдала, лишь бы ты был жив. И вела бы себя как пай-девочка. И точно знаю – что узнав, чем я сейчас зарабатываю, ты – отлупил бы

меня до синяков, даром, что дочка уже на третьем курсе института учится. И я бы вытерпела, правда-правда.

Лишь бы всего этого не было.

- Умница, Цыпа, - одобрительно роняет Марк, когда я прохожу мимо него к гримерке. Пытается хлопнуть меня по заднице, но я вертлявая - уворачиваюсь.

- Золотая у тебя задница, Цыпа, - слышу вслед, - дай подержаться на счастье.

Поднимаю над плечом средний палец.

Марк бесит, хоть и не самый сволочной мудака в моей жизни. И пусть его комиссия - больше на двадцать процентов, чем у других владельцев стрип-клубов, но Марк хотя бы не заставляет спать с клиентами. Ну, то есть другие девочки, конечно, трахаются, за "чаевые", но можно и без этого. Мне это было важно. Потому что... Ну...

Должна же быть черта у падения, да? Красная линия, за которую не переходишь.

В гримерке становится чуть лучше. Тут правда теснота, на десять квадратных метров - семь баб по пуфикам, пудрятся, красятся, пошлят.

- А ты видела этого, качка из-за седьмого столика? Знаешь какой у него член? Семь сантиметров.

- Гонишь. Я у него на коленях сидела. Там прекрасный конский размер.

- Просто Линка у нас плохо старалась, вот и не встало у него, - хохочет Тома, смывающая с себя поплывший макияж гейши. Тома у нас на сцене Моника. Ну, не мне придирааться, я у нас тоже на сцене Лея, а не Катя.

Со всех сторон раздаются ехидные смешки.

- Да нет, правду вам говорю, - вопит раскрасневшаяся Линка, - я вчера весь вечер его в привате обрабатывала, там сморчок.

Я нетерпеливо поглядываю на время. С Марком у меня договор, если за полчаса после выхода на сцену про меня никто не спросит, значит – я могу идти домой. Точнее – получать расчет за сегодня и идти в свою общагу.

И мне уже не терпится избавиться от этих тонких лямок, которые красиво именуются моим “костюмом для выступлений”. Спрятаться в огромную толстовку, смыть вызывающий макияж, заделать волосы в хвост, надвинуть кепку на глаза, бегом пролететь два квартала от клуба и только там вызвать такси. Чтобы никто не догадался, даже не подумал, чем я зарабатываю.

В уведомлениях всплывает – “оплатить клинику до послезавтра”. Два дня осталось. Надеюсь, Марк сейчас порадует меня хорошим гонораром. Потому что иных способов достать пятьдесят штук за два дня я просто не знаю. Ну, зря, что ли, я выпрашивала у него это время в самый пик вечера?

В СМС-ках непрочитанное от неизвестного абонента.

“Надо поговорить, сестрица”.

“Иди на хер” – отбиваю кратко, сохраняю контакт как “Урод 19”, блочу и этот номер. После того, что мой драгоценный братец сделал с моей жизнью – говорить я соглашусь только с его телом в гробу.

Это он проиграл нашу квартиру, которую мама сдуру переписала на него.

Это из-за него мать уже полгода лежит парализованным овощем, и ради её лечения я пошла на то, от чего теперь всю жизнь не отмоюсь.

– Эй, принцесса, – Тома-Моника щелкает пальцами у меня перед носом, – Марк тебя зовет, спускайся с небес.

– Ишь ты, чего захотела, – хихикает Линка, – Катька у нас звезда. Будет она спускаться до нас, грязных шлюх.

Никогда не говорила им ни слова по поводу всех их развлечений и “подработок”. А вот им до меня дело почему-то есть. И до того, что я в этом клубе только танцую – тоже.

– Ну и зря, – хмыкает Моника, – глядишь, поумерила бы свой гонор, стала бы посговорчивей к клиентам, и не пришлось бы столько пахать за гроши. Сколько ей предлагал тот красавчик? Двадцать штук за ночь?

Вспоминаю “красавчика” – мужика с залысинами и пузом. Передергиваюсь. Да будь он даже Джонни Депп или Орландо Блум, все равно я не хочу продаваться. Хотя бы что-то чистое во мне должно остаться. Хотя бы одно спокойное место в той грязи, в которой я уже почти с затылком бултыхаюсь.

К черту их. К черту их всех. Монику, уroda-братца и того козла с залысинами. Иду к Марку, он встречается мне почти сразу.

– Ну, что ж, пляши, цыпа, – скалится он белозубо, – тебя хотят в привате. На максимум.

Вот ведь черт, а я так хотела выспаться перед завтрашними лекциями. Ройх шукуры спускает тем, кто смеет на его парах зевать, а еще большего усугубления его неприязни я допустить не могу. Но отказаться от привата тоже нельзя, Марк мне просто не заплатит. А мне нужно, чтобы заплатил.

Хоть в привате и хуже танцевать. Страшнее.

– Ах, да, шмотки смени, – рявкает Марк мне вдогонку, – клиент хочет костюм “шлюшки-студентки”.

Переодеваюсь безразлично. Развратная Лея, студенточка в юбке, не прикрывающей трусы, полицейская в черном латексе – костюм значения не имеет. Уж коли зарабатываешь ты раздеванием и развратными извиваниями у пилонa – чего уж тут строить? Только маску надо сменить. С золотой, на сетчатую кружевную.

– Улыбайся, Цыпа, – Марк успевает заметить меня перед дверью в номер, – что за кислая мина? Ты вообще зарабатывать сегодня собираешься?

– Разумеется, – нацепляю на лицо выражение для выступлений, – я выну из него все до копейки.

– Мою долю занести не забудь.

Черная ручка приватного номера мягко поворачивается под моей ладонью. Там в номере – только свет алых ламп, пилон и черный кожаный диван.

– Добрый вечер, – улыбаюсь откровенно, но глаз не поднимаю. Смотрю на туфли, только на блестящие мужские туфли.

Не видеть их лиц – так гораздо проще.

– И тебе привет, Иванова, – вальяжно и медленно тянет клиент с дивана. Голосом, от одного только звучания которого мое сердце прыгает в пропасть.

– П-профессор?

Он, точно он... Эти темные глаза столько раз снимали с меня шкуру на лекциях – невозможно ошибиться.

Господи, господа, господа...

– Профессор, – он издевательски это выдыхает, запрокидывая голову, – что, Иванова, за три года так и не удосужилась выучить мое имя-отчество? Как ты при этом дожила до третьего курса?

Хуже нет ничего – стриптизерше на смене встретить кого-то знакомого.

Но любой другой знакомый не оказал бы на меня такого эффекта.

Просто потому, что ни один другой мой знакомый не испытывает такого желания вышвырнуть меня из университета, как Юлий Владимирович Ройх.

Я... Ну, сама виновата в общем-то. Это моя выходка на первом курсе стоила ему места декана. Я это знаю, поэтому на зачеты и экзамены к нему я всегда хожу, выучив лекции на зубок. Просто потому что знаю, даже этого недостаточно, чтобы он поставил мне приличную оценку. Он меня ненавидит. Это все знают. Даже в деканате уже не удивляются, когда я прихожу оспаривать полученные у него тройки.

– Это твой план? – едко тянет Юлий Владимирович, обдавая меня таким презрением, что дыхание аж перехватывает. – Простоять столбиком все оплаченное время? Ты уверена, что ты выбрала правильное ремесло для заработка? Мне, наверное, стоит забежать к хозяину клуба, обсудить твою “профпригодность”.

Нет, этого я точно допустить не могу...

Из десяти клубов, в которые я пробовала устроиться, только Марк не настаивал на “дополнительных услугах” для клиентов. Только Марк не отпускал похабных намеков и ограничивался только шуточками, не приглашая к себе в кабинет, чтобы “обсудить рабочий график”. Только Марк выдает девочкам браслеты с кнопкой безопасности, на которую можно нажать, если клиент позволяет себе лишнего.

– Что вам нужно? – шиплю я, отчаянно желая провалиться сквозь землю. Сама еще не понимаю, насколько глубоко вляпалась. То, что вляпалась – точно.

Господи, если в универе узнают...

Хотя почему “если”, Катя? Узнают! Непременно узнают. Глянь в лицо Ройха, видишь – глаза горят предвкушением? Вот.

Меня выгонят. Со скандалом. Сбудется его мечта.

– Я оплачивал два часа частного танца, Иванова, – Ройх расслабленно разваливается на кожаном диване, – не трать мое время, начинай.

Это ведь месть. Да-да, это точно месть. Как хорошо он её охладил. До температуры льда. Разумеется, он понимает, что разоблачения такого уровня – унизительны. Танцевать перед ним – унизительно. Впрочем, по идее – не мне кривить губы. Какая разница? Вот именно что никакой.

Ну что ж. Места в универе я лишусь, но работу потерять точно нельзя. Иначе мамино лечение оплачивать будет нечем. Значит, Ройх должен уйти отсюда удовлетворенным. Насколько это вообще возможно.

– Хорошо, – скалюсь в злой улыбке, – только держите свои руки при себе, профессор! Вам полагается только танец.

Я вижу, как вздрагивают тонкие губы. Брезгливо, неприязненно, но болезненно. У меня есть право на эти слова, он знает.

Только потому, что у меня были эти права – ему не удалось вышвырнуть меня из универа. Просто потому что все знали, что в вопросе меня он предвзят.

– Меньше слов, больше дела, – презрительно бросает он, – это тебе не зачет. Придется постараться, чтобы заработать свои чаевые!

Ну что ж...

Неважно кто он. Мой профессор, папа римский или король Георг четырнадцатый – неважно. Такой же, как и все, мудака с похотливыми глазами. Из тех, кто подается вперед, когда я ставлю ногу на “случайно” забытый стульчик, чтобы поправить якобы сбившийся чулок. Конечно, все это потому, что номер уже начался.

Двухчасовой приват – на самом деле крайне дорогая из-за своей длительности программа. По сути, любой, кто её заказывает, хочет томления на медленном огне, с докаливанием до температуры вулкана.

Да пожалуйста.

Я в этом “шоу-бизнесе” девятый месяц. Я уже знаю толк. Недаром другие стриптизерши из клуба меня не любят. Слишком быстро учусь.

Марк называет это моим талантом. Я – считаю настоящим проклятием. Наверное, не получайся у меня это – я бы не стала даже пытаться. Не подседа бы на эту иголку быстрых денег, способных оплатить счета за мамино лечение.

Но у меня получается.

И бросить сейчас – все равно что приговорить мать к смерти. Долгой, мучительной смерти на улице, потому что квартиры у неё теперь нет, а в мою

общагу её не пустят. Да и на работу не возьмут. Сомневаюсь, что пенсии по инвалидности хватит на съём жилья. Оно в Москве дорогое.

А так – врач говорит, у мамы есть шанс на восстановление...

Мои ноги страстно стискиваются на пилоне, я вращаюсь вокруг своей оси и думаю о маме. О счетах, которые смогу оплатить.

О...

– Отвратительно, – едко комментирует Ройх, – Иванова, ты – как вялая рыба. Никаких эмоций. На клиента не смотришь, смотришь сквозь него. Тебе вправду платят за эту халтуру? По-моему, это ты должна приплачивать.

Сволочь. Ему нужно, чтобы я на него смотрела. Ему нужны мои эмоции. Нужно, чтобы я сделала вид, что умираю от желания ему отдаться?

Поднимаю глаза, встречаю взгляд профессора, облизываю губы.

Раз вы так хотите, Юлий Владимирович. Сами пожалеете. Точно знаю. Знаю, что вы – не образцовый, приличный препод. А кобель озабоченный, только и всего.

Искренние чувства?

Что ж, их есть у меня. Правда не вожделение, ни разу, но ненависть к скользкому ублюдку, уклонившемуся от справедливости, у меня была. Очень-очень много.

Уж больно хорошо врезалась мне в память рыдающая навзрыд Анька. Моя подруга, которой этот озабоченный кобель предложил проставить оценку за зачет после того, как он ей “билеты поможет повторить”.

Конечно, она не согласилась. Конечно же, он её завалил. И даже поставил вопрос об отчислении, пользуясь положением декана.

Но боже мой, как отчаянно я ненавидела Ройха в тот момент. На что угодно готова была пойти, чтобы эту сволочь сняли с деканства и вообще вышибли из

универа. Таких нельзя пускать к преподаванию. У них внутри все сгнило.

Тогда мы с Анькой и придумали тот план.

Безумный, отбитый, примерно, как мы в то время.

На следующий его экзамен я пришла в полной боевой готовности. Дерзкое мини, яркие губы и диктофончик включенный в кармашке темного жакета.

Шла последней, вопреки себе, когда аудитория уже совершенно опустела. Никогда еще так не лажала с изложением материала, как в тот экзамен. Дождалась, пока Ройх, озадаченный моей феноменальной тупостью, сведет брови над переносицей и спросит.

- Да что с вами такое, Иванова? Вот эти задачи вы на лекциях на раз щелкали.

Я облизнула губы тогда. Изобразила волнение. Созналась, что переволновалась, пожаловалась на проблемы с пониманием материала.

Спросила, не может ли Юлий Владимирович мне как-то помочь. Лично.

Он долго молчал. Смотрел на меня. Потом встал из-за стола, обогнул стол, остановился рядом, все так же глядя на меня сверху вниз, заставляя меня испытывать острейшее желание сбежать куда-нибудь подальше.

А потом жесткие пальцы легли ко мне на подбородок, горячие губы впились в мои. Мой первый поцелуй... Не думала, что просру его настолько бездарно. На ублюдка, который вообще не заслуживал ничего подобного.

Странно, наверное, слушать такие откровения от студентки, но тогда...

Я только выпустилась из школы. А папа у меня отличался довольно жестким характером и выбраться погулять с мальчиками у него смог бы только суперагент. Так что да. Ройх был первым мужчиной, который меня целовал. И только за это я его ненавижу. Потому что весь этот хмель первого мужского прикосновения, жажды и трепета перед большей силой... Нет, не должно было со мной всего этого происходить из-за озабоченного кобелины в кресле декана.

Он не был достоин.

Да-да, не для него моя роза цвела. Для кого угодно, но не для такого морального уроды.

И все же... Он меня поцеловал. Нетерпеливо, не давая отстраниться, и – судя по наглым лапам, обжимавшим меня тогда – хотел он большего.

Спасибо хоть за то, что остановился.

Остановился, выдохнул, что-то вроде “Нет, не здесь”, проставил мне зачет и выставил, пообещав перезвонить в ближайшие дни.

Не перезвонил конечно.

Ему быстро стало не до этого, потому что запись нашего разговора, включая и ту часть, где он роняет, что зачет – дело ерундовое, и предупреждает меня, чтоб я не распространялась о поцелуе – все это улетело в деканат тем же вечером.

И даже сейчас, уже пережив то, что пережила, о сделанном мной выборе я не жалею. Еще бы раз так сделала, лишь бы добиться его увольнения.

Его не уволили. Сняли с деканства, вклеили выговор. Но не уволили. Потому что у уроды оказалось слишком много связей. Потому что он слишком дорог для кафедры.

Потому что... Да какая разница.

Важно, что сейчас он сидит на кожаном диване напротив меня, и поедает глазами. Наслаждается моментом моего унижения. Упивается тем, что сейчас может швырнуть мне пару тысяч и почувствовать себя хозяином положения.

Липкий, мерзкий хищник. С каждой секундой, с каждым движением, с каждой новой связкой, я понимаю – меня тошнит от него все сильнее. Настолько, что еще чуть-чуть – и я просто хлопну дверью привата и вдрызг разругаюсь с Марком. И это будет такая катастрофа!

Дальше ведь только панель.

Что мне делать?

Хочу прекратить эту пытку сейчас. И чтобы он больше не приходил.

Значит, придется делать то, что я совсем не хочу – идти в атаку. Провоцировать его. Да так, чтобы Марк потом, проглядев записи с камер, ко мне не приебался. Значит, все, что я должна себе позволить, должно смотреться как элементы номера. Отлично. А еще – можно поболтать. Девочки это обожают – личный контакт с клиентом всегда помогает опустошить его карманы.

Главное что? Чтобы он сам зашел за красную линию.

Впрочем, развести такого озабоченного ублюдка будет несложно. Один раз я его уже развела. И сейчас – тоже справлюсь. Тем более, что делать ничего не надо. Вполне характерная выпуклость на брюках уже имеет ярко-выраженный характер. Все что мне надо – слегка его подтолкнуть.

– Профессор, – тяну игриво. Делаю вид, что не знаю его. Потом буду врать Марку, что просто приняла правила игры клиента. Ну, захотел он сходу отыграть препода, и что? Ну, угадал мою фамилию. Скажем честно, более известной фамилии чем Иванова на свете просто нет. Петрова, разве что.

– Неужели вы все еще недовольны, профессор? – сладко тяну, прокручиваясь на пилоне медленно, зацепившись за него одним носком. – Я так старалась, так готовилась, а вы – недовольны? Ну же, скажите, какая у меня оценка?

Ничего не говорит. Просто подбирается вперед, таращась на меня еще пристальней.

Боженька, боженька, и почему ты всегда пихаешь моральных уродов в эстетичную упаковку? Потому что вот по нему – презентабельному роскошному мужику – даже моя матушка не могла сказать, что он лазит студенткам в трусы за зачеты.

– У такого хищника вообще проблем с бабами быть не может, – протянула она тогда, когда огрызки скандала в универе долетели до нас и мне пришлось объясняться.

Мне много тогда перед кем пришлось объясняться. Перед деканатом – в том числе. И в том, что это была осознанная провокация – тоже. И что на самом деле я прекрасно знала билеты, могу ответить не выходя из преподавательской.

Он и вправду похож на хищника, поджарый, мускулистый, темноглазый, источающий странное чувство опасности.

И как только он поднимается на ноги – мое сердце отбывает куда-то в Африку, не удосужившись написать мне прощальную записку.

Шаг, второй, третий...

Он все ближе, мне – все страшнее. Но я не антилопа, я не имею права дать деру тут же, как заметила гепарда. Мне нужно еще немножко потерпеть и потанцевать. Плеснуть ему еще моей кипучей неприязни, что я выдаю за страсть, пусть подавится...

Он выбирает для атаки момент промежуточной связки, предназначенный больше для моего отдыха и разгрузки кипящих от напряжения мышц. Падает вперед, до боли стискивает мои пальцы на пилоне, замирает в нескольких сантиметрах от моего лица.

– Сколько хочешь за ночь, а, Иванова? – шипит сквозь зубы.

– У вас столько нет, – скалюсь я, делая шаг назад. Зря. Потому что он надвигается на меня, преследуя.

– Просто назови мне сумму, Иванова, – настойчиво требует он, зажимая меня у стены, – так сложно? Циферки в твою пустую голову не помещаются?

– Оставьте меня, – вскрикиваю, пытаюсь его оттолкнуть, – я не хочу. Не хочу, слышите?

– Какая удивительная разборчивость для шлюхи, – тихо шепчет Юлий Владимирович, все ниже склоняясь к моему лицу, – и чем же я тебе не угодил, можно спросить? Или ты разборчивая? Какие члены предпочитаешь, толстые, тонкие?

Нервы сдают. Я зажимаю левой рукой кнопку на браслете. Эту цацку с кнопочкой, замаскированной под камушек на круглом центральном элементе, выдают всем, кто идет в приват. Когда клиент отказывается слышать слово нет. Именно благодаря ему спустя уже две минуты в номер вламывается мордатый амбал Ванечка. Вообще-то он меня бесит – слишком часто подкатывает яйца, но вот сейчас – рада ему.

– Слышь, мужик, тебе популярно объяснить, что означает слово “нет”? – воодушевленный перспективой разборки рычит Ванечка.

– Я вообще-то знаю, – сухо комментирует Ройх, не разворачиваясь к гостю, – шли бы вы, любезный...

– Это ты сейчас пойдешь, – бодро скалится Ванечка, – ну, или поедешь. Чего выбираешь?

Ройх бросает на него задумчивый взгляд, будто прикидывая весовую категорию. Снова кидает взгляд на меня. Потом – делает три шага от меня, в сторону двери.

Неужели все? Неужели уходит?

– Иванова! – вздрагиваю, услышав его голос. Поднимаю глаза. Вижу, как он швыряет на пол между нами несколько купюр.

– Заслужила, – цедит с бесконечным презрением. И сваливает.

2. Защитник

– Это что, все? – Марк смотрит на выложенные мной на его столе купюры с совершенно отчетливым разочарованием.

Мало, конечно. Пять тысяч всего. С учетом того, что он забирает семьдесят процентов – копейки. Обычно из привата приносят минимум двадцатку.

– Он полез меня лапать, – хмуро бурчу я, пытаюсь затылком уйти глубже в широкую толстовку, – я вызвала охрану. Посмотри по камерам, если не веришь.

– Я уже их видел, Цыпа, – Марк красноречиво щурится, напоминая, что на слово он мне верить не собирался, – и уже успел понять, что ты его осознанно дразнила. Обещала дать и не дала. Это постоянный клиент, между прочим, был. Уже два месяца у нас пасется, спускает на “бонусы” хорошие суммы. Если этот его приват станет единственным заказанным – получается, ты его разочаровала. Спугнула нам клиента.

– Мне надо было с ним переспать, что ли?

– А ты у нас что, дохуя щепетильная, Цыпа? – рявкает Марк. – Так я могу напомнить тебе, что такое – остаться исключенной из списка допускаемых в приват.

– Не надо, пожалуйста.

Выдыхаю раньше, чем понимаю, насколько жалкой сейчас смотрюсь. Но если говорить правду – основные деньги действительно крутятся в привате. Когда ты на общем подиуме, деньги, конечно, летят. Но только при личном контакте из клиента можно вытянуть действительно много.

– Ты говорил, что оставляешь это решение за мной, – произношу немеющими губами, – и мы договаривались...

– Откровенно говоря, Цыпа, трепет твоей целки меня не особо трогает, – Марк неприятно кривится, – не хочешь трахаться с клиентами – твоя проблема. Только в этом случае, будь добра, не распугивай моих клиентов. Не заходи за грань.

Ну вот как ему объяснить...

Да насрать ему на те объяснения, я понимаю.

– Я не буду больше, клянусь, – подаюсь вперед, надеюсь, что мое отчаяние его разжалобит, – Марк, пожалуйста, ты ведь знаешь мою ситуацию. Я не могу...

– Мне похуй на твою ситуацию, Цыпа, если ты ложишь на мою, ясно?

Пару минут он молчит, потом вытягивает из кармана несколько денежных пачек. На каждой резиночкой пришпилено имя девочки, чей танец собрал эту кассу. От моей пачки он отнимает аж половину. А ведь это уже после его комиссии.

– Это штраф, Цыпа, – заявляет Марк, швыряя мне скудный остаток от гонорара, – пятерку свою, так и быть, забери. Но еще один такой раз, и я тебя вышвырну с голым задом. И это тебе не блядская метафора. Как есть выкину, в одних трусах. Поняла?

Киваю молча, сглатывая бешенство.

Спасибо, Юлий Владимирович, благодаря вашему без меры озабоченному члену я остаюсь при жалких пятнадцати тысячах. Нет даже половины необходимой для продления месячного содержания мамы в клинике суммы. Блядь!

– До конца недели свободна, Цыпа.

– Но как же смена в среду? Ты обещал...

– До конца недели, Цыпа, – Марк безжалостно смотрит на меня, – ты слишком охуела. Подумай над своим поведением. Надеюсь, на субботнюю смену придешь голодной и рвущейся в бой.

Куда я, твою мать, денусь, а?!

Как договариваться с клиникой – ума не приложу. Я их основательно достала вечными просьбами о переносе платежей.

Вот только если Марк что-то решил – хрена с два он отступится. Пощады от него ждать не стоит, у него таких как я – восемнадцать в основном составе и двадцать четыре в запасе. Мое место есть кому занять. Все хотят денег.

Во мне сложно узнать стриптизершу, когда я выхожу из гримерки. На одну толстовку я надеваю вторую, чтобы скрыть контуры тела. Джинсы надеваю самые бомжатские, мешковатые. Кепку надвигаю на лицо, волосы завязываю в узел.

Не хочу, чтобы хоть кто-то меня узнал, не хочу, чтобы вообще со мной хоть кто-то заговаривал. Для этого проще быть таким человеком-мешком.

Никогда не вызываю такси у клуба. Не дай бог. Ухожу в сторону квартала на три, забираюсь в какой-нибудь тихий двор и только оттуда вызываю машину. Жаль, что смены поздние – в три утра здесь еще не ходят автобусы. Иначе здорово бы сэкономила. Но увы. До метро здесь далеко, а я и так дергаюсь от каждого шороха.

А в этот раз за мной еще и увязывается какой-то хмырь.

Сначала я, конечно, путаю его с Ройхом – озабоченному преподу ничего не стоит подождать меня и опознать за этим мешком. Я примерно так хожу в универ, всякий раз, когда его лекции возникают в расписании.

Нет. Один раз только глянула назад, поняла – не он. Мой мудака-профессор на голову выше. И более... Атлетичен, что ли. За мной идет какой-то коренастый тип.

Прибавляю шагу, надеюсь, что ошиблась, и что парень просто идет по своим делам по совпавшей траектории. Слышу, как за моей спиной преследователь переходит на бег. Сука!

Срываюсь с места, набирая скорость. Не успеваю далеко убежать, мужик меня нагоняет, хватает за плечо, дергает назад.

– Эй, ты, мне твой брат денег должен.

– Да похуй, – пытаюсь вырваться, но мужик оказывается сильнее. Заламывает мне руку, толкает к оказавшейся так близко пластиковой стене остановки.

– Он сказал, ты расплатишься, – рычит утырок, шарит по моим карманам. Я лягаю его в ногу, не целясь, куда то попадаю, но тут же огребаю тяжелым кулаком между лопаток.

Больно так, что в голове кровавый туман стелется.

Самый пиздец в том, что, судя по всему, Вовочка все-таки узнал, где я работаю, и прислал ко мне своих кредиторов. Значит, мне пора менять работу. И сучий же он потрох, что никак не может оставить меня в покое! Мало ему проигранной квартиры. Мало ему маминых сбережений. Мало ему... всего, пущенного на ветер отцовского наследства.

Теперь он берет в долг и переадресует ко мне дружков-ублюдков.

Мои деньги, мои пятнадцать тысяч оказываются в руках у утырка, а я – только жалко скулю, пытаюсь совладать с дыханием.

– Где еще? – мне сильнее заламывают руку. – Он мне сотню должен, а это что за хуйня?

– У меня ничего нет, – шиплю зло, – и не будет. Я не плачу по его долгам.

Понятия не имею, до чего бы дошла эта дивная беседа, если бы именно в это время рядом с остановкой не взвизгнули тормоза, втопленные в пол на полном ходу.

– Эй, уебок, отвалил от неё, быстро.

Даже не знаю, чему я удивилась больше.

Лютой матершине из уст препода, который на людях весь из себя культурный и приличный человек? Или тому, что я сейчас была готова разрыдаться от радости, услышав голос ненавистного мне Юлия Владимировича Ройха.

– Не лезь, мужик, – бритоголовый хмырь пытается строить крутого, – курва мне денег должна.

– Ничего я тебе не должна, – вскрикиваю яростно, и тут же расплачиваюсь за поданный голос.

– Заткнись, – мудака снова прикладывает меня об пластиковую стенку. Потрох сучий. Ладно, в универ, но как я перед клубом-то эту мерзость замажу?

За моей спиной кто-то рычит, хлопает бешено дверца машина, я ощущаю движение спиной. А потом хмыря швыряет назад, и он все-таки выпускает мою руку из захвата.

Я действую как-то заторможенно, по крайней мере – мне так кажется, когда оборачиваюсь. Потому что позади меня обнаруживаются два тесно переплетенных мужских тела, сцепившихся в такой яростной драке, будто оба они хотят угробить друг друга. А может... И правда хотят...

А я как дура, стою, смотрю, хотя по идее, мне бы бежать отсюда...

– В машину лезь, безмозглая, – через силу, но я опознаю в этом злом, жгучем до боли приказе голос Ройха. И прихожу в себя. Бросаюсь к его тачке – ни в жизнь бы не села, если б не ситуация, ныряю на сиденье рядом с водителем, снова прижимаюсь к стеклу, чуть ли не носом.

Господи, никогда бы не подумала, что наш озабоченный мудака не только в черчении спец, но и в кулачных боях. Или это он просто злой настолько?

Как бы то ни было, дерется он так, будто в свободное от преподавания время проводит время на боксерском ринге. И явившийся ко мне за Вовкиными долгами кредитор, которые смотрится более мощным, раз за разом пропускает по морде. Раз, еще раз...

В моей крови медленно закипает кайф. Была б моя воля, сейчас бы рядом попрыгала, и даже помахала бы Ройху помпонами. Потому что... Единственным человеком, которого я ненавижу больше, чем тех, кто дает моему уроду-братцу в долг, является сам мой братец.

И это такой кайф – видеть, как Вовочкин дружка огребают по самое не могу. В следующий раз он подумает, стоит ли давать Вовочке в долг.

И даже плевать, что выписывает животворящие пиздюли не кто-нибудь, а тот, кого я ненавижу и презираю. От взглядов которого каждую пару хочу помыться.

Похрен.

Сейчас я им люблюсь. Как никем. Не ожидала, вот правда.

В какой-то момент удар бритоголовому наносится близкий к критичному. Он валится на землю и не торопится встать. На месте Ройха – я бы пару раз двинула упавшей мрази в брюхо, до того ненавижу всю эту шваль, что пытается забрать у меня последнее, но Юлий Владимирович только сплевывает и быстро шагает к машине.

Садится, заводит двигатель, на меня не смотрит.

Машина трогается с места, и все что мне остается – смотреть, как бритоголовый слабо шевелится на тротуарной плитке.

– Пристегнись.

Сначала не очень получается осознать это слово. Что?

– Тебе все повторять по двести раз надо, Иванова? – выдыхает Ройх, и у меня от его бешенства мороз идет по коже. – Пристегнись уже.

Мои пальцы кажутся мне ужасно неуклюжими. Впрочем – не только мне, и совсем не кажутся.

Ройх бросает на суетливую и такую неловкую меня косой взгляд и брезгливо морщится.

– Что, с пилоном тебе сподручней справляться? Или ты все-таки члены щупать предпочитаешь?

Заливаюсь жарким румянцем, ежусь, пытаюсь справиться с вернувшейся неприязнью. Не надо было его слушаться. Надо было сваливать и вызывать такси. А сейчас...

- Что, ни ответа, ни спасибо я от тебя не дождусь? – ядовито цедит Ройх.

- Спасибо, – благодарность выходит вымученной. Благодарить его мне по-настоящему сложно, потому что самое последнее, чего бы я хотела в своей жизни – это быть обязанной Юлию Владимировичу Ройху.

Хотя нет – быть избитой кредитором моего ушлепка-братца, пожалуй, хотела бы чуточку меньше.

- Охуенная из тебя собеседница, Иванова, – с кислотным сарказмом роняет Ройх, с какой-то совершенно отчетливой жесткостью выкручивая руль на перекрестке, – ничуть не удивлен, что стриптиз – все на что тебя хватило. С такой коммуникабельностью больше никуда тебя не возьмут. Даже не понятно, на кой хер ты учишься. Какой из тебя архитектор?

- Не ваше дело.

Хочется вцепиться ему в глотку, а лучше – броситься на полном ходу из машины. Только вот беда – у меня нет девяти жизней, как у кошки. Приходится терпеть. И огрызаться хотя бы не на каждое его слово.

На мое счастье – Ройх затыкается в кои-то веки. Так и едет, обливая меня презрительным молчанием. Похрен. Пусть будет презрительное молчание, лишь бы не приебывался.

Сижу на своем месте, делаю вид, что смотрю вперед, а на самом деле – на разбитые в хлам костяшки кулаков профессора. Снова и снова вспоминаю тот жестокий восторг, который меня одолевал, когда я наблюдала за дракой. За меня... Уже давно никто не заступался. Даже Анька, с которой с начала года резко ухудшились отношения. Видимо, слишком разные мы стали.

Я – слишком зацклилась на зароботке, стала слишком душной для легкой на подъем Аньки. Ну и правильно, ее родители были живы и здоровы, и продолжали быть вполне обеспеченными людьми. Настолько, что Анька по праву считалась мажоркой. Я не была такой, пока папа был жив, но вполне себе принимала стипендию за прибавку к личным деньгами. Сейчас – уже не до этого. Сейчас – учусь на эти деньги жить, каждую зароботанную копейку откладывая в

кошелек под неудобным общажным матрасом. Для мамы.

Резкая остановка выталкивает меня из мыслей, в которых предпочла спрятаться. Смотрю в окно, вижу светящуюся вывеску какой-то гостиницы.

– Куда вы меня привезли? – дергаюсь, совершенно позабыв про ремень безопасности.

– Туда, где я смогу тебя наконец трахнуть, – глухо отвечает Ройх, глядя прямо перед собой, – и выкинуть уже из головы, к чертовой матери.

В ушах звенит, щеки пылают.

– Ну что ты так на меня вытаращилась, Иванова? – холодный голос Ройха, как ушат воды. – Ей богу, не видел бы своими глазами, как ты вьешься на пилоне без лифчика – подумал бы, что ты в монастырь собралась. Не строй целку. Можно подумать, для тебя это в новинку.

В том-то и дело, что да...

Но говорить это, даже яростно, с напором – сознаваться в собственной неопытности именно Ройху...

Я вылетаю из его машины, быстрее, чем успеваю сообразить. Хлопаю дверь с размаху, оглядываюсь, вижу стоящее на краю стоянки такси и водителя, жрущего шаурму, бросаюсь к нему.

– Свободен?

Водила умудряется утрамбовать себе за щеку остаток шаурмы и торопливо кивает. Видимо, с заказами совсем пиздец.

– Катерина! – слышу голос сзади, но только голову в плечи втягиваю. Игнорирую. Лучшее, что могу.

Что будет в универе – даже думать не хочу. Но теперь уже ничего не поделаешь.

– Кто это был? Парень твой? – отъезжая, водитель начинает проявлять любопытство.

– Нет. Просто козел, – отвечаю тихо, закапываясь глубже в недра толстовки.

– За нами едет.

Оборачиваюсь к заднему стеклу, и по спине медленно начинает течь холодный пот. И вправду едет, заоблачно понтоватый Ройховский Лексус. Поворот за поворотом, квартал за кварталом. Отстает ненадолго, потом снова нагоняет.

– Сука... – тихо шепчу, впиваясь ногтями в кожаную обивку сиденья. Ну вот что ему от меня надо? Мало, что ли, дур на нашем архитектурном, которые не могут сдать Юлию Владимировичу графику, физику зданий или термех? Почему я, почему я, почему я? Мне и так как-то дохуя проблем по жизни.

Картинки рисуются совершенно безрадостные. Вот сейчас мы доедем до общаги. Ройх выйдет из машины, дойдет до дежурной коменды и своим преподавательским авторитетом продавит идею оставить меня ночевать на улице. Там сегодня Мария Петровна, она вообще-то пускает меня, хоть я и возвращаюсь в общагу позже оговоренного часа. Но если свидетелем того будет преподаватель – не пустит.

Может, конечно, у Ройха в планах и нет переться за мной в общагу. Просто хочет зажать меня до неё. И... Это, пожалуй, еще хуже. По крайней мере, я могу прикинуть, к кому на первом этаже могу постучаться, чтоб меня пустили. А вот как отбиваться от озабоченного козла – представляю слабо.

Нет, надо было все-таки заняться самбо, папа ведь говорил, что девушке это не будет лишним, а я...

На стрип пошла.

Сама, блин, путь выбрала.

Да кто бы знал, что так занесет нелегкая.

Когда шла на стрип – с деньгами проблем не было. Ни у меня, ни у отца, который мне наличные подкидывал. Это потом у него проблемы начались. А уж после того, как он повесился, стало совсем худо.

– Приехали, девушка, – покашливает таксист, – с вас полторы тысячи.

– Сколько? – охреневаю. – Ты двадцать минут ехал.

– Ночной тариф, выходной день, – не мигнув и глазом сообщает мужик, – сами не заплатите, могу попросить заплатить вашего козла. Вон он, как раз паркуется.

Увы, он прав – черный Лексус Ройха и вправду ненавязчиво так выворачивает на край парковки. У меня в желудке будто кувыркается что-то склизкое и холодное.

Шарюсь по карманам, нахожу выжившие от гонора два косяра.

Чуть не реву, потому что это не просто не деньги, слезы просто. Надо было забрать у того утырка деньги хоть за сегодняшнее выступление. А это...

– У меня сдачи нет, – упирается водила. Мудила, блядь!

– А это моя проблема? – взрываюсь. – Я на эту пятисотку неделю жить буду.

– А у меня нет, – талдычит как баран.

– Ну и подавись ей, – вылезая, хлопаю дверью со всей яростью.

Слышу, как меня обкладывают матом, но не трогаюсь абсолютно. С размаху пинаю шину, с трудом удерживаюсь от того, чтобы не поднять с обочины выщербленный кусок асфальта и не швырнуть его вслед уезжающей машине.

Эмоции эмоциями, а это уже готовый срок.

Срок, ну точно!

Если Ройх сейчас вздумает начать ко мне лезть, я буду орать, что накатаю на него заявление! Громко.

Оборачиваюсь к тому краю парковки, где стояла до этого машина Ройха. И к своему удивлению, вижу пустое парковочное место. Уехал. Убедился, что я вышла из машины, что водила уехал, и свалил сам?

Так не вписывается в портрет озабоченного кобеля, что я даже захожу в общагу в какой-то прострации. Может, я в чем-то с ним ошибаюсь? Может, он не настолько конченный, как я о нем думаю?

В комнату пробираюсь на цыпочках, чтобы не разбудить соседку. Падаю в кровать, только под одеялом стаскиваю толстовку. Усталость, много острых ощущений – наверное, потому меня так рубит, стоило только оказаться в горизонтальном положении.

Из последних сил дотягиваюсь до телефона, оставшегося в кармане сброшенных на пол джинс. Нужно поставить будильник на пары.

На экране – свежая СМС, от Ройха.

“Нужны будут деньги – знаешь, куда обратиться. Торговаться не буду”.

А, нет, показалось!

3. Его точка зрения

Профессор

Просыпаюсь как всегда, по будильнику. С настолько железобетонным стояком, что даже не надо спрашивать, кто именно снился. Хотя нихера и не помню, ни единой секунды сна, но с некоторых пор в этом вопросе у меня со своим телом четкое непонимание.

Ну как можно было из всего многообразия имеющихся в поле зрения нормальных баб выбрать это стервозное мелкое недоразумение?

- Ну куда ты, Юл? - плеча касается мягкая ладонь Веры. И тут я вспоминаю, что лег-то вчера ни хрена не у себя дома. И надо было пойти вчера домой, да только неумолимая тяжесть в штанах перевесила.

- У меня лекции сегодня с самого утра, - произношу, доставая со стула рубашку.

- Может, хоть позавтракаешь с нами? Антошка будет рад. У меня каша в мультиварке настроена, уже готовая...

- Мне нужно еще успеть в душ и переодеться, - качаю головой.

- Ну тогда подожди, я хоть обед тебе достану. Все вчера приготовила.

- Да не надо.

Просьба опаздывает. Она уже вылетела из-под одеяла, и как есть, в одной футболке улетела на кухню. Не удивляюсь, абсолютно. Вера в такие моменты поразительно глуха и чудовищно настойчива.

Хорошо, когда ниже тебя живет симпатичная мать-одиночка, которая очень хочет замуж. Настолько, что даже обеды тебе умудряется готовить и завалиться к ней можно даже в три часа ночи, после того, как вдоволь набегался по злачным районам за одной маленькой дрянью.

Плохо, что ответить взаимностью я ей не могу. И сам при этом продолжаю по мудацки приезжать.

Удалось бы избавиться от проклятия "Ивановна" - стало бы проще дышать. И решения принимать.

Воскресенье вышло насыщенным, ничего не скажешь.

Сначала до меня доехал старый приятель, который тут собрался жениться, причем не где-нибудь - а где-то на островах, и мальчишник он желал устроить

как полагается, но почему-то – в моей компании.

Устроили.

Пять стриптиз-баров прошли, сошлись на том, что набирают туда сейчас всякую бездарную шваль. По всей видимости, основным критерием отбора на данный момент считалась не грация и сексуальность, а готовность открывать рот и раздвигать ноги.

В шестом клубе задержались. Точнее, это Макс не смог меня оттуда вытащить. Потому что только оказавшись в затопленном красном свете клубном зале я замер, не в силах оторвать взгляда от фигурки на шесте.

Она? Да правда, что ли?

В золотых трусах и бесполезной масочке, на пилоне, спускающая лямку лифчика.

А танцует маленькая стервь лучше, чем врет.

Впрочем, будем откровенны, когда она врала при мне в последний раз – из меня был хреновый оценщик актерского мастерства.

Оказалось, что невозможно мыслить здраво, когда в голове взрывается алчная тьма, которую сдерживал три чертовых семестра.

Как я избавился от Макса – понятия не имею. Наверное, прозрение придало мне сил. Не смог допустить с собой в приват, туда, где маленькая гадюка извивалась на пилоне для меня. Пусть недолго. Похер.

Еду на работу – зверею все сильнее.

В голове – все еще вчерашний вечер, бесконечная беготня, и то, как Иванова, зарабатывающая себе на жизнь стриптизом, пыталась что-то из себя строить и что-то мне доказать. Как будто я не в курсе, какие именно “услуги” предлагают её “коллеги” в частных номерах. Всегда так было. И маленькая стервочка, которая совершенно точно не первый раз была на сцене, пыталась мне доказать, что она не такая? Ну-ну.

Худо-бедно, на рабочий лад настроил звонок от проректора. Ну точнее, звонок раздался, и мне пришлось как-то избавляться от всего того бреда, что сейчас болтался в моей голове. Получилось почти быстро. Видимо, сказывался стаж, давно я воюю со всем этим дерьмом.

И еще повоюю, конечно.

Хотя насколько было бы проще оставить эту пагубную прихоть за спиной.

– Ты мне проспорил, Юлий Владимирович, – вместо “доброе утра” и “как дела” заявляет проректор.

– Васнецов, я поздно лег, рано встал и совершенно не настроен гадать, в каком из семнадцати наших с тобой заключенных пари мог проспорить.

– Семнадцати? Не тринадцати?

– Память подводит, Егор Васильевич? Старость и склероз? Вы уже готовы уступить дорогу молодым, а вашу прекрасную жену – более дееспособным любовникам?

Только кровожадное покашливание с той стороны трубки доносит до меня привет с земли. Нет, с женой я перебрал, пожалуй. Именно семейные вопросы у Васнецова считаются находящимися за красной чертой тем, над которыми шутить не полагается.

– Ладно, я пошутил, – мрачно сознаюсь, – что такого случилось?

– Собрание ученого совета по вопросу твоего возвращения к должности состоится через две недели. Если стоишь – танцуй. Если сидишь – кукарекай.

– Как тебе удалось? Я предполагал, что предельно выбесил пней в совете.

– Выбесил, конечно. Мог хотя бы что-то сказать в свое оправдание, чтобы противопоставить словам этой нашей “звезды”, – тон Егора характерно мрачнеет.

Увы, но это означало, что “звезду” выперли бы со скандалом. Громким таким. На все приличные московские вузы этого бы скандала хватило.

Тогда я еще не хотел так избавиться от неё, любой ценой, любыми средствами.

– Юл, только я тебя прошу, – напоследок просит Васнецов, – веди себя, пожалуйста, потише. Никаких новых скандалов. Поверь, твоя репутация сейчас ни одного не переживет. Даже маленького. На соплях держишься.

Обойтись без скандалов...

Хорошее пожелание. Главное – вовремя озвученное. В то время, когда я уже прикидываю, как мне воспользоваться полученным компроматом на Иванову.

Слава богу, совесть и жалость она мне сама отбила своим идиотским поведением.

Ладно, с этим можно подождать.

Можно все спланировать пограмотнее. Так, чтобы со мной никто не связал.

Разумеется – я планирую обнародовать “промысел” Ивановой. Выйдет хорошая месть для зарвавшейся стервозной дряни, возомнившей о себе невесть что.

У нас крупный, известный вуз. Студентка-стриптизерша для наших старых зашоренных хрычей в ученом совете – как красная тряпка перед носом дикого быка, выращенного для корриды. Или как жирное нефтяное пятно на безупречной университетской репутации.

Девчонку быстро сольют, а я наконец смогу дышать спокойно.

Эти мысли оказываются практически живительным эликсиром. И смаковать его по капле в предчувствии двух последних пар, и во время них, когда мне приходится поворачиваться лицом к курсу гребаной Ивановой, видеть её саму – бледно-зеленую от недосыпа, смотрящую на меня маленьким затравленным зверьком. Ну, все-таки явилась. Хватило остатков храбрости.

Особенно бесит, когда к её плечу склоняется Капустина, сладкая подружка моей зачатой “звезды”.

И правду говорят: скажи мне, кто твой друг – я скажу, кто ты. Вот и по парочке Иванова-Капустина диагноз выписывается очень просто. Две испытанные маленькие стервы. Причем пробы ставить на обеих уже некуда – а туда же, строят из себя чуть ли не родных сестер Девы Марии.

– Ничего, девочки, – мстительно улыбаюсь в мыслях, – всё вам обеим прилетит. Одну я уже придумал как слить, вторая без первой – махом сольется.

– Иванова, – когда я окликаю девчонку после пары – она вздрагивает будто от удара.

Нет, девочка, все предложения, которые я мог озвучить – сделал вчера. Сегодня ты для меня только раздражающая фифа, которую я не перевариваю. Не перевариваю, но все же делаю вид, что терплю.

– Капустина, вам чего? – спрашиваю холодно у замершей сурком за плечом Ивановой блондиночки. В пустой аудитории остались только они две. Все остальные радостно рванули домой. Четыре пары... Я бы и сам пошел, да только кто ж меня отпустит? Васнецов чуть не шантажирует, требует, чтобы к заседанию ученого совета у меня все дела были в идеальном состоянии.

А тут еще эти две... По кой хрен мне тут вторая?

– С вами, профессор, девушкам вредно оставаться наедине, – тоном настоящей полицейской заявляет дрянь, – вы уже приставали к моей подружке. При свидетелях не будете.

«Когда-нибудь ты попадешься, маленькая стерва», – проговариваю мысленно, глядя в глаза Анны Капустиной, и медоточиво улыбаюсь.

– Да сколько угодно. Торчите, если вам так приспичило. Иванова, не расскажете, что это?

Катерина ежится, но все еще следит маленьким побитым зверьком за всяким моим движением. Будто ждет, что я сейчас швырну на стол перед ней её золотые стринги.

Увы, кто б мне дал их снять. Я бы, может, и кинул.

На стол ложится другое – черная папка-скоросшиватель, набитая исчерканными моей рукой листами. Чья-то курсовая по геометрии зданий. Точнее – пародия на курсовой проект.

Кто с первого раза угадает, чья именно это пародия?

Признаться, я давно не испытывал такого разочарования, когда листал эту хренотень.

Да, я валил Иванову на каждом экзамене и зачете. Методично валил и на пересдачах, дожидаясь, пока она не явится ко мне и экзаменационной комиссии, но и “звездой” преподавательский состав её называл не просто так. Она и вправду ею была. Собственно, я поэтому терпел полтора года, хотя первые глюки со стороны моего либидо начали появляться уже в первом семестре. Даже в уме не укладывалось, как я закручу роман с такой образцовой и подающей столько надежд студенткой.

И потом... Вот это вот. С кривыми эскизами. С расчетами, сделанными по формулам не её варианта. С подогнанными чертежами.

Звезда родилась – звезда умерла.

А потом я открыл курсовик Капустиной – и все понял. Понял, куда ушел ресурс. Что ж, мне давно было понятно, что если из этой парочки убрать Иванову – Капустина сама завалится. Просто некому будет её вытягивать на экзаменах.

Да – Иванова все понимает. Красная от стыда тянется к курсовику и тащит его на себя не раскрывая. И это все? А раскрыть? Я же там живого места не оставил, все до последней страницы прочел. Красную ручку до конца истратил, и вторую нашел.

– Я переделаю, – тихо-тихо обещает мне Иванова.

Другой вопрос – нахрена она мне это вообще принесла? Чтобы я окончательно перестал её уважать? Так зря надеялась, я даже не начинал.

4. Скажи мне, кто твой брат...

Катя

– Нет, это просто возмутительно! – Анька стоит рядом со мной в коридоре и никак не может успокоиться. – Он же тебя одну только так и травит! Тебе надо написать на него жалобу в деканат. Я попрошу папу, он поможет раздуть из этого большую историю.

– В прошлый раз не раздул, – тихо отвечаю, проглядывая пометки Ройха и предсказуемо кривясь. Нет, ну... Я знала ведь, что он не примет. Просто первый вариант курсовика нужно было сдать именно на прошлой неделе. Иначе Ройх обещал, что не допустит на экзамен. Хотя, конечно, вот такого презрения от него я и не хотела.

– Это потому что ты запись сразу в деканат отдала, – возмущается Анька, – надо было папе отнести. Он бы её по своим каналам распространил, и Ройха бы выперли наконец.

Отец у Аньки – какая-то важная шишка на каком-то из довольно известных каналов. То ли на НТВ, то ли на России-1 – не суть. Суть в том, что раздуть он действительно может. Даже не скандал – скандалище. Но, как показывает практика – ему для этого нужна куча дополнительных каких-то доказательств.

– Ну, а что, твое свидетельство уже не годится? – спрашиваю. – Это сейчас вроде слово против слова. А с тобой нас было бы уже двое.

– Ну ты что, меня нельзя привлекать. Иначе папа будет заинтересованное лицо, – Анька округляет глаза, – я же тебе говорила.

Я вздыхаю. Эти аргументы я действительно уже слышала. И уже успела с ними смириться.

– Слушай, давай о деле, – Анька плюхает на подоконник рядом со мной сумку. Неаккуратно плюхает – прямо на мои листы. Ладно. Пофиг. Аккуратно отвоевываю себе курсовик. Тем более, что Анька вытягивает из сумки три пятитысячных купюры и сует их мне в карман джинсовки.

С ума сойти. Она достала. Я и не ждала. Впрочем... Мы сейчас будто с разных планет. Её родители – состоятельные люди, каждый высоко забрался по карьерной лестнице, так что не мне рассуждать об Анькиных возможностях.

– Держи. Тебе точно хватит?

– На первый взнос хватит, – невесело киваю, – остальное постараюсь закрыть сама.

– Ну, если не сможешь – обращайся, – Анька виснет у меня на плечах, – я тебя всегда выручу, ты же знаешь.

– Знаю, – поглаживаю подругу по руке, – только и ты знаешь, что я не знаю, когда верну.

– Ну, ты мне с курсовиком помогла, – она безмятежно улыбается, – и расчеты по вышмату за меня делала. А на материаловедении поможешь?

– Помогу, конечно, – вздыхаю.

– А сможешь курсовик на мой вариант рассчитать? – Анька чуть закусывает губу, смотрит на меня умоляюще. – Я просто в ужасе, когда вижу те цифры. Совсем не понимаю, что там делать.

– Ну, не знаю, – я растерянно кошусь на курсовик для Ройха. Мне бы его переделать. И работы – как раз до конца этой недели, до конца которой я не работаю.

– Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – канючит подружка, складывая ладони вместе, – давай так, ты сделаешь, и половину этой суммы можешь не возвращать. А сможешь подготовиться к защите – считай, что десятку я тебе забыла.

Снова вздыхаю, прикрывая глаза. Может быть, удастся разобраться с материаловедением быстрее?

Тем более, что совершенно не понятно, что задумал Ройх. У него на руках – информация обо мне. Лютейший компромат. Пока он молчит, но нет никаких гарантий, что он будет делать это дальше. И если я все равно, не сегодня так завтра, вылечу из универа – то какая мне разница, сдан у меня курсовик или нет? А деньги, которые мне занимает Анька – их и правда ведь надо как-то вернуть. Не вернуть – так отработать.

– Скинь мне свой листочек с заданием.

Лицо подруги будто солнцем освещается. Она тут же хватается за телефон, вытягивает из сумки затребованный мной листочек.

– Сколько времени у тебя это займет? – спрашивает, во время отправки фоточки мне в мессенджер.

– Не знаю, – виновато поджимаю губы, – я еще свой не делала. Я пишу с нуля, ты же знаешь. Брать у прошлых курсов старые курсовики – это вообще не мой вариант.

– Ты просто гений, Катена, – Анька посылает мне воздушный поцелуйчик, бросает взгляд на гламурные часики на запястье, – ох, прости, там за мной, наверно, уже Илюха приехал. У него такая туса на вечер намечается, а я еще не переоделась.

– Беги, беги, не жди меня, я все равно прямо сейчас в общагу поеду, – пожимаю плечами.

– Ну, Катя, – подружка тянется ко мне, виснет на шее, складывает губы для поцелуя, – давай ты с нами пойдешь? Ты столько времени с нами не

оттягивалась!

– Извини, много работы, – с сожалением покачиваю головой. Да и не хочется мне ей рассказывать, что пришлось распродать через мешок все мало-мальски сносные для тусовки платья. Для выступлений в клубе ведь тоже нужны были наряды. Платила за них сама. И пошлые дешевые “горничные” тут не каналы.

– Ну ладно, – Анька строит мне щенячьи глазки, и так не дотянувшись до меня губами, чмокает воздух и стартует в сторону выхода.

Понимаю. Илюха ждать не любит.

Бросаю взгляд в конец коридора – вижу там Ройха. Стоит у двери в преподавательскую, смотрит на меня. На губах такая презрительная усмешка – хоть наизнанку выворачивайся.

Я отворачиваюсь. Быстро, торопливо сгребаю с подоконника курсовик и тетрадь с конспектами и тоже бросаюсь прочь из универа. Убегаю правда недалеко. На верхней ступеньке высокого крыльца налетаю на шагнувшего мне наперерез парня.

– Эй, смотри куда прешь, осел, – вскидываюсь и тут же делаю шагок назад.

– И я очень тебя рад видеть, сестренка, – скалится в нехорошей улыбке Вовчик. Мой драгоценный братец, умудрившийся и квартиру проиграть, и мать до инсульта довести.

Шаг влево, вправо – Вовчик повторяет за мной зеркально. Потом и вовсе борзеет настолько, что хватает меня за куртку и волочет в сторону от двери. Ну и конечно – за пределы поля зрения камеры над входом.

Не сказать, что я уж очень оптимистка, знаю, что университетский охранник обычно сериальчики с большей охотой смотрит, чем за камерами следит. Но все-таки.

– Да отвали ты от меня, – дергаюсь, но, увы, пусть брат младше меня на два года – он тяжелее и сильнее. И даже, кажется, на какой-то бокс ходил. А может, даже

и сейчас ходит. Мутные его дружки у него, кажется, после того бокса и появились.

– Т-с-с, Катюха, – Вовчик хохочет, толкая меня к стене, – ты что, мне не рада? А я так соскучился, так соскучился!

– Нету у меня денег, – рявкаю во весь голос, надеясь, что хоть кто-нибудь из выбегающих навстречу долгожданной свободе однокурсничков обернется и решит вмешаться.

– Ну что ты, сеструха, – Вовчик улыбается, вроде как даже мирно, – у меня тут клевый проект намечается.

– Ставочка стопудовая? – я кривлюсь от этого его бреда – он реально хуже аппендицита. – Как та, из-за которой ты папину квартиру проиграл?

И ведь смог же тогда убедительно набрехать маме, что у него действительно какой-то бизнес там. Что ему надо взять кредит под залог недвижимости. И мы сразу заживем как белые люди, как при папе было!

Мама искренне верила, что у Вовчика хватка. Что Вовчик в отца пошел. Ни хрена меня не слушала. До тех пор пока братки к нам под дверь не постучались и не показали дарственную, подписанную моим дорогим братцем. Подарил квартиру вместе со всем имуществом.

Мы тогда с мамой только и смогли, что по сумке вещей сгрести, пока братки над душой стояли. Да до остановки автобусной дойти, а там маме плохо стало.

– Катюха, ты что, не слыхала примету, кто старое помянет – у того со здоровьем проблемы, – Вовчик угрожающе щурится, – не беси меня. Я просто повидаться пришел. А ты косяками мне тыкаешь.

– Это твои косяки, – тыкаю пальцем в цветущую на левой скуле россыпь синяков, – какого хрена твои дружки ко мне лезут? Долги твои с меня требуют. Я тебе говорила, Вовчик – знать тебя не хочу. Видеть не желаю.

– Понятия не имею, о ком ты.ужно сказать, дурака мой братец изображает первоклассно. Вот только меня от его актерской игры априори тошнит.

– Катюх, ну че ты ерепенишься, завязал я, – льстиво так, почти подобострастно шепчет Вовчик, – лучше б ты сказала, где мать лечится. Я б её хотя б навестил. А то дожили, полгода уже родную мать не видел.

– Справочку от психиатра принесешь, что встал на учет и проходишь лечение – может быть, я и подумаю. Пока нет – иди нахрен.

Мои истерические нотки все-таки привлекают внимание. Но увы – совершенно не того персонажа. Тощеватый очкарик Сергиенко останавливается в трех шагах от первой ступеньки, смотрит на меня в упор.

«Ну давай, Женек, подай голос. Хоть кто-то из наших да откликнется», – умоляю про себя. Мне не нужно, чтобы Сергиенко пытался за меня впилиться, увы, братец мой понимает только язык грубой силы и такую слабую угрозу он не особо оценит.

Нет. Сергиенко выстаивает пару минут, потом хлопает себя по лбу и бросается обратно в здание. Ну, блин. Опять что-то забыл, склеротик. Даже не факт, что реально обратил на меня внимание. У Женьки вечно какие-то завихрения в голове. Что ни ляпнет – все не в тему.

– Эй, куда уставилась, сестрица? – Вовчик встряхивает меня за плечо.

– Нету больше сил на твою рожу смотреть, – огрызаюсь зло. Досадную на Сергиенко, на себя, что на него понадеялась, на весь гребаный мир, который не может избавить меня от компании моего мудака братца.

– Ты себя не по-людски ведешь, Катюха, – наконец-то сквозь фальшивую гримасу на лице Вовчика проступает настоящее его лицо – ублюдка, который распускал руки, стоило только нам одним остаться дома, – я просто с матерью хочу повидаться. Хер ли ты ерепенишься?

– Потому что ты к ней за деньгами пойдешь, – пожимаю плечами, – потому что последний раз, когда я только тебя упомянула – ей стало хуже. Потому что её

опекун сейчас я, и иди ты в жопу, Вовчик.

– Слышь, родная, – Вовчик с силой встряхивает меня, прихватив за куртку, – ты видать забыла свое место, да? Я могу напомнить. Ты после этого на своей блядской работке еще долго жопой не покрутишь. Она у тебя черная будет.

Где-то внутри меня поднимается страх. Холодный такой, до костей пробирающий. Потому что это раньше Вовчик бил в полсилы, так чтоб синяков не оставалось. Боялся отца. А сейчас – да похуй ему. Я ему сдачи дать не смогу. Никогда не могла.

Сжимаю зубы отчаянно. Нихрена я ему не скажу. И он, наверное, не осмелится бить меня прямо тут, но так ли далеко – затащить за угол? И ори не ори – у универа сейчас уже и народу нет. Все кто освободился – уехали. Только Сергиенко и пробежит. А ему – просто похер.

– Где лежит мать? – Вовчик переходит на откровенное шипение. – Я тебя в последний раз спрашиваю, Катя.

– Извините, – от резкого холодного голоса сзади и над нами вздрагиваем мы оба. Даже я, обмирая от страха и предвкушения пиздеца, не смотрела туда, смотрела на злющую рожу мудро-братца.

Ройх стоит в двух шагах от Вовчика, скрестив руки на груди. Глаза леденящие, скальп на лету срезающие.

Господи, а его-то как сюда принесло?

И почему именно его, блин, опять?!

– Слышь, мужик, не лезь не в свое дело, – мирным, но угрожающим голосом советует Вовчик, – это моя сестра. У нас тут семейные вопросы решаются.

Попутно мне сжимает руку – такой четкий намек: “Вякнешь – втрое опиздюлишься”.

Я даже глаз поднять не могу. Как омертвела вся.

– Да мне похер, кто ты там, мальчик, – скучающе комментирует Ройх, – но если ты от неё клешни свои не уберешь, челюсть с асфальта собирать будешь.

Господи, что угодно мог сказать ведь.

Что он мой препод, что вызвал полицию, или что сейчас охрана подойдет.

Почему сказал это?

Да еще и пальцами медленно перебирает. На той руке, которую вчера от Вовкиного кредитора расхерачил.

Пальцы Вовчика с такой злобой стискиваются на моей руке – я почти уверена, что сейчас кость под ними лопнет. А потом он резко сплевывает и шагает в сторону.

– Ебнутые вы тут все какие-то, – роняет напоследок и бочком-бочком протискивается мимо Ройха. Сваливает прочь.

А я...

А у меня подгибаются ноги. И в глазах резко темнеет. Сил моих больше нет. Кончились.

Прихожу в себя от неприятного, аммиачного запаха, ввинчивающегося мне в мозг с настырностью самореза. Противно. Пытаюсь как-то увернуться от этого запаха, но чьи-то безжалостные пальцы пихают пропахший нашатырем тампон. Снова. И снова. И снова.

Особенно раздражающим оказывается неприятный подрагивающий голос, который при более детальном ознакомлении оказывается голосом не кого-нибудь, а Женьки Сергиенко. Нервничающего. И перескакивающего с одного на другое.

– А он точно в полицию не заявит? Мне он сразу не понравился. Я думал, парень Катин, а вы говорите – брат...

– Ну, не папа римский, и слава богу, – голос Ройха над моей головой оказывается эффективнее нашатыря. Ну, точнее – это мне так сперва кажется. Я вздрагиваю, вскакиваю на ноги, а потом меня так резко бросает в жар, что я с трудом не падаю обратно.

– Господи, Иванова, да уймись ты уже наконец, – минуту назад спокойный, обращаясь ко мне, Ройх будто теряет весь этот свой дзен, возвращаясь к своему исходному раздраженному состоянию. Тяжелая ладонь падает на мое плечо, заставляет приземлиться обратно. Я ... Даже не протестую. Сквозь круговерть темных и цветных пятен особо даже не получается понять, куда бежать.

– Пей, – под мой нос суют стакан с водой. И это внезапно оказывается очень заманчивый стакан – я ощущаю лютую жажду. А потом прохожусь взглядом по белому рукаву подавшего, по щетинистому подбородку. Цепляюсь взглядом за темные глаза злейшего своего врага, глядящего на меня в упор.

– Отравлено? – выдаю еле шевелящимся языком.

– Конечно, – едко кривится Ройх, – для тебя – мой лучший яд, Катерина.

– Так щедро с вашей стороны...

Господи, что я несу вообще?

Осознаю, ужасаюсь, запоздало заливаюсь краской, забираю стакан, чтобы уткнуться в него носом и не поднимать глаз.

– Ты нас напугала, – тем временем Женька решает, что пришло время для его звездного дебюта и обращается прямо ко мне, – я думал, может, тот парень что-то тебе сломал.

– Он мог, – бесцветно выдыхаю я, между двумя маленькими глотками воды, – это ты позвал?..

– Юлия Владимировича? Д-да, я, – впечатленный однокурсник даже заикаться начинает, – тот... твой брат... очень неприятный.

– Ну, не зря же мы с ним родственники, – болезненно кривлюсь, но судя по недоуменным глазам Женьки – моего сарказма он не понял. Ну и ладно.

– Спасибо, – тихо произношу, потом перевожу взгляд на Ройха, – и вам, Юлий Владимирович.

Он как-то странно подергивает углом рта, глядя выше моей головы. Ладно, будем считать, что благодарность принята.

– Я пойду, – снова пытаюсь встать. Снова с тем же успехом – мир тонет в жару и в черных пятнах. И прояснившаяся было преподавательская снова становится для меня бездной преисподней. Ну, что ж, значит, дьявол тут не просто так забежал!

– Господи, ну что ты за существо такое непонятливое, Иванова? – уже даже с каким-то безнадежным отчаянием комментирует Ройх, и мир в моих глазах резко обрушивается куда-то вниз.

Сначала я решаю – падаю. Потом понимаю – нет. Меня просто опрокинули. Подхватили под колени и держат на руках. И кто!

Волосы почти дыбом от ужаса встают.

– Евгений, дверь, – произносит Ройх и звучит практически так же, как “сестра, скальпель”. Женька суетится, а потом мир вокруг меня вдруг приходит в движение.

Волосы встают дыбом уже окончательно.

– Отпустите, – шепчу тихонько, – я сама дойду.

– Куда дойдешь? До морга? Нет, Иванова, не в мою смену. Я сегодня дежурный преподаватель и сегодня ты не сдохнешь. Эту свинью ты мне не подложишь, Катерина.

– Ю-юлий Владимирович, – от охренения сама уже заикаюсь, – я тяжелая.

– Ты замолчишь или нет? Не трясись, Иванова. С лестницы я тебя не уроню. Хоть мне и очень хочется.

Ситуацию усугубляет трепач Сергиенко, у которого неожиданно будто чакра какая-то открылась. И сопровождая меня и Ройха до университетской парковки, он всем рассказывает, что мне стало плохо, что Юлий Владимирович мне оказывает помощь.

Писк сигнализации и знакомый пряный запах автомобильного ароматизатора сообщает мне о пункте назначения. Меня неожиданно аккуратно сгружают на пассажирское сиденье, пристегивают ремнем безопасности.

– Ты еще тут? – Ройх щелкает у меня перед носом пальцами. – Нашатырь освежить не нужно?

– Н-нет, – болтаю головой вяло.

Без всяких лишних реплик он захлопывает дверь. Что-то говорит Сергиенко, и он быстро-быстро кивает и машет мне рукой. Пока я думаю, к чему бы это – Ройх успевает занять кресло водителя и даже завести двигатель.

– Куда вы меня везете? – собираюсь с силами для вопроса очень вовремя – когда машина трогается с места.

– В лес, Катерина. В лес. Куда еще могут таскать своих жертв озабоченные маньяки? – кажется, Ройху нравится мое полуобморочное состояние.

– Вы сказали, что не дадите мне умереть в ваше дежурство.

Сама не понимаю, как набралась сил на такую длинную фразу.

– А кто сказал, что я тебя там убивать собираюсь? – Ройх улыбается так коварно, так леденяще, что меня ужас до копчика продирает. Это он сейчас про то, что я подумала?

Ну, точно про то.

Правда до того, как я успеваю придумать, как быстро мне стоит катапультироваться из машины – он успевает фыркнуть еще раз.

– Уймись. Едем мы в ближайший травмпункт. Бледно-зеленые полубморочные клуши меня категорически не возбуждают.

– Но у меня нет никакой травмы, – возражаю вяло.

– Вот пусть в травмпункте мне об этом и расскажут. А пока твое раскрашенное фингалами лицо и никакое состояние вызывают вопросы.

У больничного комплекса у нас снова происходит перепалка.

– Да я сама могу дойти, – я пытаюсь отстоять свое право на передвижение ногами.

– А, ну да, – подошедший и склонившийся уже, чтобы меня снова взять на руки Ройх распрямляется и с интересом оглядывается. Указывает направо, – тогда туда ползи. Вон в то рыжее здание. А я схожу, попрошу, чтоб для тебя пакетик подготовили.

– Какой пакетик? – зависаю. Уж сколько я знаю медицинских приблуд, но пактик-то мне как поможет?

– Черный. С молнией. Фирменный пакетик, который выдают всем клиентам этого морга, – все с той же непроницаемой миной поясняет препод, глядя на меня сверху вниз, – ты в него заползешь и окончательно отбросишь копыта. Это ведь у тебя по жизненному плану, Иванова?

Он меня так бесит, что никакими словами не передать.

Настолько, что я сама решаюсь. Катапультируюсь из его машины и шагов пять таки преодолеваю сама. Ногами. А потом...

А потом ловлю себя на том, что отчаянно хватаюсь за кстати подвернувшуюся скамейку и пытаюсь не стечь в грязь на асфальте.

– Ну вот куда ты так спешишь, а, Катерина? Тебе же пакетик еще не принесли, – хмыкает Юлий Владимирович, этот гребаный злорадствующий дьявол, которому, судя по всему, ужасно приятно наблюдать меня в настолько отвратительном состоянии.

Теперь уже у меня не хватает сил, чтобы отпихнуть его руки, когда он снова – снова, Боже, ужас-то какой – заставляет меня оказаться над землей.

– Прекратите, – измученно вою. Сил моих больше нет – чтоб Ройх меня таскал на ручках, то ли как маленькую девочку, то ли как какую-то ценность.

Быть для Ройха хоть кем-то из этого списка – не могу, не хочу, не буду!

– Прямо сейчас? – темная бровь на ненавистном мне лице изгибается все с тем же неутолимым сарказмом. – В какую лужу тебя уронить. Вон в ту? Или вот в эту? Соображай быстрее, эта лужа того гляди кончится.

– Боже, ну зачем? – спрашиваю откровенно измученно. – Зачем вы все это?

– Дежурство у меня сегодня по графику, – милостиво роняет Ройх, – и как я уже сказал, твое бессмысленно скончавшееся тело мне не нужно. Ты и так достаточно нагадила мне в карьеру, Иванова.

Вот именно что достаточно.

Достаточно, чтобы не вписываться за меня перед непонятными амбалами, перед мутными типами, вроде моего братца, чтобы не таскать меня на руках, как какую-то тургеневскую барышню.

Хотя собственное состояние меня тоже, честно говоря, начинает напрягать. Слабость, не отпускающая больше часа к ряду – это что-то новенькое. Да и обмороков от нервов у меня раньше не случалось.

Ройх вносит меня в серое двухэтажное здание, оглядывается и паркуется со мной вместе на какую-то лавочку.

Усаживает. Меня! К себе!! На колени!!!

От его руки на моем бедре и от взгляда глаза в глаза по телу расплзается жар и тяжесть.

– Ну что, Катерина, твой прайс обсудим? Сколько хочешь за то, чтоб так вот посидеть полчаса? – тихо-тихо, произносит он, и вот это – очередная порция мерзостей в этом направлении – и приводит меня в чувство. Настолько хорошо, что я даже залепляю ему пощечину, слетая с его колен.

Потом только понимаю – что наделала! И кому дала по лицу. Боже...

Одно оправдание – давно хотелось.

У Ройха взгляд становится воистину волчьим. Тем самым, когда ясно – только пара секунд и отделяют тебя от разодранного в клочья горла.

Я отступаю задом.

– Заходите, – именно в эту секунду в коридор из приемного кабинета травмпункта выходит медик.

– Я... Мне уже не надо, – бросаюсь было к выходу, но жесткая мужская рука сгребает меня за воротник и впихивает в кабинет.

– Осматривайте её, – замогильным голосом приговаривает Ройх, – пришла утром раскрашенная. Рухнула в обморок после пар. Час уже – как невареная муха.

И хлопает дверью за моей спиной.

– Это ваш... – врач запинается, взвешивая мой возраст и возраст Ройха, чтобы определить степень родства, – ваш парень?

Ой бля-а-а... Волосы дыбом, по коже – стая мурашек от ужаса. Потому что даже в формате идеи, мироздание, ты издеваешься?!

– Урод это, – выдыхаю сквозь зубы, – редкостный придурок из нашего деканата.

– А, – медичка резко скучнеет и достает из кармана маленький молоточек, – так, сюда смотрим.

Из кабинета я выхожу сорок минут спустя. Озверевшая, истыканная и застуканная, и с новой ваткой с нашатырем в лапках.

Ройх, умудрившийся увлечься каким-то медицинским журналом, при виде меня демонстративно его откладывает.

– Чем порадуете, доктор? – насмешливо спрашивает он. – Сотрясение? Болевой шок? Наркотики?

От его охеренных гипотез я быстро и очень результативно выпадаю в осадок. Круто он обо мне думает. Шлюха и наркоманка. Спасибо, Юлий Владимирович!

– Переутомление, стресс и... – медсестра меряет меня красноречивым взглядом, – я бы предположила недоедание. Ваша подопечная проговорила, что не завтракала. Я предположу, что и не обедала.

От её прозорливости меня натурально в жар бросает.

Ройх же снисходительно кривит губы и кивает.

– Ясно, спасибо.

Я не успеваю даже подумать о побеге, а на моем плече уже стискиваются стальные пальцы.

– Идем, Катерина.

- К-куда...

- Лечиться.

Пока я вдупляю в этот до странности непонятный ответ, медсестра соображает побыстрее моего.

- У нас тут недалеко отличное кафе, - ослепительно улыбается она, как-то неожиданно разворачивая плечи, - хотите, покажу? У меня по плану как раз перерыв обеденный.

Сегодняшний день явно настроен заставить меня охренеть до критической стадии. Еще чуть-чуть - и сама прилягу с чем-то вроде инсульта.

На моих глазах взрослая и даже вполне симпатичная женщина... кадрит Ройха. А он... Задумчиво на неё смотрит... Оценивает.

- Если вам это удобно, - наконец проговаривает он и медсестра радостно улыбается. Убегает в сестринскую, вылетает оттуда, уже сбросив халат, с курткой в охапку. В компании другой медсестры, явно заступающей на пост этой прости-господи...

Иду и пригораю.

Слушаю наивный треп медсестры, выкипаю еще больше.

Никогда в жизни не ощущала себя третьей лишней без права на удаление.

Дергаюсь было, пытаюсь выдраться из пальцев Ройха - и железная хватка на плече становится болезненной.

- Ты не уйдешь, пока не пообедаешь, - тихо, но очень емко произносит он, - потом лети на все четыре стороны.

- Я поем в общежитии, - почти шепчу, сгорая от стыда.

– Что ж, значит, в общезитии ты поешь еще раз, – бесстрастно откликается Ройх, – обедать будешь при мне. Чтобы я точно знал, что ты не будешь валяться ни в какой подворотне.

– Господи, с ума сойти, какой вы заботливый к своим студентам, – восхищенно охает медсестра и восхищенно виснет на втором Ройховском плече, – меня кстати Лариса зовут. Но вы можете звать меня Ларой.

Долбанутый он. На всю голову.

Только долбанутый препод будет заниматься тем, чем сейчас занимается Ройх.

Притаскивает меня в кафешку, комплексный обед заказывает. Кофе с пироженкой для жеманной Лары. Она упархивает в туалет, а возвращается оттуда с накрашенными губами и ресницами.

Наблюдать её улыбки в сторону Ройха, слушать этот бесконечный треп – боже, как же от этого тошнит. Гребаный ванильный ад, сидеть и слушать, что какая-то дура находит этого озабоченного козла по-настоящему интересным. Глазки ему строит. Ложечку для него эротично облизывает. Фу!

Дайте мне ведерко, блевану, не отходя от столика.

И он ведь смотрит на это благостно. На меня будто не обращает внимания, но это иллюзия – один раз я дергаюсь в сторону, и меня тут же снова прихватывают за рукав куртки.

– Иванова. Я не шутил про обед.

Чтоб его!

Пятнадцать минут на разогрев комплексного обеда проходят как два пожизненных в карцере с ледяными полами и стенами. Когда передо мной ставят тарелку с гребаным борщом, я уже готова её через край залпом выпить. Хотя это перебор, наверное.

– Ну точно, голодная, – у медсестрички, наблюдающей за моими торопливыми прихлебываниями, в голосе сквозит материнская снисходительность, – помню себя в меде. Тоже недоедали. Правда на меня заботливых профессоров не нашлось.

– Это они очень зря, – фыркает Ройх снисходительно, но с каким-то таким очень четким одобрением, что меня будто насквозь прожигает.

А ведь он эту медсестру трахнет. Это четкое намеренье вот сейчас явно прозвучало, а она и не против совсем.

Боже...

Перестаю чувствовать вкус еды. Остатки обеда доедаю с таким лицом, что Ройх даже всерьез спрашивает, не пересолено ли.

– Не пересолено, – выдыхаю, выхлебывая залпом компот, – спасибо, Юлий Владимирович. Вы меня спасли. Можно мне идти?

Те три секунды, когда он окидывает меня изучающим взглядом, кажутся бесконечно долгими. Жгучими. До судорог мучительными.

Хочу уйти. Не хочу ни секунды больше смотреть и понимать, что медсестричка сидит к нему слишком близко. И там, под столиком наверняка еще и коленкой его ноги касается.

– Иди, Иванова, – наконец кивает он, – завтра жду твой курсовой проект. Иначе на допуск к экзамену не рассчитывай.

Меня настолько жжет нетерпением, что я даже не возмущаюсь этим адским сроком. Курсач для Аньки я ведь три дня и три ночи считала. А для себя с нуля придется делать.

Идти, я могу идти! Наконец-то!

У меня нет ответа на вопрос, зачем оказавшись на свободе, вылетев из кафе, я останавливаюсь. Минут десять стою, промаргиваясь и собираюсь с силами. А

потом – сама заглядываю в окно кафе. Осторожно. Чтобы меня не заметили.

Вижу Ройха, вижу покрасневшую Лару, к уху которой он склоняется... Что-то шепчет. Вижу, как она губу кусает...

Точно даст. Почти уверена, что даст в туалете этого же кафе. И пожалуй, я не хочу дожидаться, пока это произойдет.

Ну, Юлий Владимирович...

Говорила же, что кобель озабоченный!

5. Наваждения двоих

– Профессор? – снова замираю в дверях привата. Снова чувствую сакральный ужас от того, что вижу.

– А, Иванова, – Ройх неохотно приподнимает лицо из декольте сидящей на его коленях медсестры, – не стой столбом. Давай сюда зачетку.

Он – в темном жилете. Рукава белой рубашки закатаны. Такой он всегда приходит к нам на экзамены. Халатик медсестрички – явно ей мал. И короткий. И разрезов на нем слишком много!

– Я забыла, – мямлю, а сама думаю – блин, когда эта Лара успела сиськи нарастить? Я помню, что у неё была максимум двоечка, и та с натяжкой, а сейчас – из расстегнутого чуть не до пупа халата вываливается роскошный четвертый размер.

– Господи, Иванова, на экзамен без зачетки? Где твои мозги вообще? – Ройх закатывает глаза.

– Вы не примете? – чувствую, как душу парализует лютый ужас. Мысль о том, что я могу не сдать ему экзамен – ужасна.

Стипендия! Я потеряю стипендию!

– Что с тобой делать, Иванова? – Ройх даже не смотрит на меня, всю тискает демонически хохочущую Лару. – Ну давай, отвечай билет.

Он кивает влево, и, повернувшись, я вижу там пилон. И сразу начинает ныть запястье. Кажется, я его потянула где-то...

– Ну же, Иванова, не тяни время, не готова – иди с моста прыгай.

С моста я не хочу. С моста мне нельзя. Мне еще двадцать тысяч для маминого лечения где-то достать надо!

Иду к пилону. Чем ближе к нему, тем хуже себя чувствую. Уже не только рука болит, но и нога, и в груди колет.

Касаюсь шеста пальцами, понимаю, что он весь смазан маслом. Не возьмешься!

– Профессор, – оборачиваюсь к Ройху, – тут масло, я не могу...

– Боже, когда у тебя закончатся оправдания, Иванова? – он закатывает глаза и шлепает медсестричку по накачанной заднице. – Лара, покажи ей, как у меня получают “отлично”.

Ту дважды просить не надо. Она вскакивает и отталкивает меня от пилона. Я падаю, ударяюсь спиной. Боль какая-то странная, приглушенная, но мне не до неё. Мой взгляд просто отказывается отрываться от того, как стискиваются на пилоне ноги сексапильной Лары. Как сладко и призывно улыбается она Ройху, медленно обнажая свое совершенное тело. Как он пожирает её глазами.

– Вот. Вот это отличница. Сразу видно, что готовилась, – хрипло тянет он и хлопает в ладоши, – браво, Ларочка, браво. Давай зачетку.

Ларочка умудряется вытянуть зачетку откуда-то из декольте. Где она там её прятала – тайна покрытая мраком.

Ройх что-то пишет в зачетке, а я чувствую, что уже лечу с моста. Оказывается – это так быстро.

Последнее, что вижу, как Ройх отбрасывает зачетку Лары, и она с восторженным визгом прыгает к нему на шею. И он начинает сдирать с неё последние тонкие ниточки, оставшиеся от её и до стриптиза – весьма скудного наряда.

– Катюха... – кажется, это шепчет ветер. Бездна тьмы, в которую я падаю.

– Катюха!

Вскакиваю на постели и испуганно ору, заметив над головой странное белое пятно.

– Ты дура, что ли? – Оксанка, моя соседка по общажной комнате, смотрит на меня как на ненормальную. – Чего орешь, психическая?

– А ты чего посреди ночи будишь? – ругаюсь, пытаюсь отдышаться.

– Какая ночь, мать? – Оксанка крутит пальцем у виска. – Долбанулась, что ли? Полвосьмого уже.

– Полвосьмого? Как? – если бы на моей заднице росли волосы – сейчас они встали бы дыбом.

– Так. Я в душ ходила, у тебя будильник орал. Пришла – ты спишь. Мечешься. Стонешь. Будильник нахер послала, видимо, – бурчит Оксанка. – Ладно, в следующий раз не буду тебя будить. Хочешь к Ройху опоздать – твое право. Я думала, ты еще пожить хочешь.

– Прости, – хватаюсь за телефон, чтобы убедиться в её правоте, – спасибо, что разбудила. Я в полшестого сегодня легла, – глаза просто слипались. – Совсем ни хрена не соображаю. Да еще дрянь какая-то снилась.

– Да я заметила, – Оксанка фыркает, – стонала все “Нет, нет, не надо”.

Ой, бя... Хорошо, что она еще контекста сна не знает.

А я, конечно, хороша! Не надо, бля!

Да если Ройх с меня на эту шалавистую медсестру переключится – я ж только перекрещусь от радости. Да что там, перекрещусь. Постриг приму. Из чистого восторга божественным провидением!

По комнате летаю так, будто меня в жопу ужалили. Скидываю Аньке курсач, дитя моих ночных страданий, со слезной мольбой: “Родная, распечатай”. Она еще, наверное, не выехала из дому. Она недалеко от универа вместе с Илюхой живет. И уж принтер у них есть. У меня – только папин ноут и остался. И то потому, что буквально за неделю до того, как к нам пришли Вовкины кредиторы с его распиской, я этот ноут дала чуваку из общаги. На время давала, у него сгорел, а курсач нужно было срочно писать.

Кто знал, что именно этот ноут станет для меня позже чуть ли не основным моим артефактом. Самой ценной вещью. Потому что те бандиты, что пришли нас выдворять – только по сумке шмотья и разрешили взять. Еще и проверяли, нет ли в наших с мамой сумках чего ценного.

Зубы чищу так старательно, будто вместе с эмалью надеюсь вычистить и мысли. В них полно послевкусия сна и какой-то лютой бредятины. Не удивительно для человека, проспавшего два часа, но быть мной сейчас – неприятненько.

– У тебя телефон бренчал, – предупреждает меня Оксанка, уже застегивающая молнии на ботинках. Черт. Она уже выходит. А я еще даже не расчесалась!

– Спасибо, – одной рукой хватаюсь за расческу, второй – за телефон. Надеюсь, это Анька отписалась, что получила мое письмо.

Сообщение с неизвестного номера сразу портит мне настроение. Удалила бы не читая, вот только слишком оно короткое. Даже открывать не надо, чтобы узнать о чем.

“Вчера мы не договорились. Поболтаем в выходные. Ты ведь не берешь старпера с собой на работу? Братишка”.

А ведь чисто по логике утро хоть чуть-чуть должно быть добрым!

Если жизнь хочет вас отмудохать – она делает это с удовольствием и по всем больным местам.

Я не выспалась. У меня болит голова и просто паскуднейшее настроение. А первой парой – клятая геометрия зданий. Прекраснейший предмет. Интересный. Только преподает его...

– Надо же, Катерина, решили почтить нас своим присутствием? – едко спрашивает Ройх, демонстративно бросая взгляд на часы. – Что ж, я надеюсь, ночь потрачена не зря. Сгораю от нетерпения увидеть ваш курсовой проект. Займите ваше место.

Смотреть на него с каждым днем – все неприятнее. А после сна я еще почему-то и краснею, вспоминая как откровенно эти руки мяли прелести той медсестрички.

– Катерина, вы замерзли? – Ройх снова разворачивается ко мне. – Может, хотите сами задачу разобрать?

– А хочу, – почему-то это я произношу с вызовом. Немногие с курса так ему ответить решатся. Честно говоря, сегодня все настолько плохо, что я хочу хоть одну маленькую победу одержать. Потому что задачи... Их я действительно люблю. Когда в пальцах мел, а перед носом формулы – не надо думать, где искать деньги и как мне отделаться от Вовчика. И в мире строгих расчетов я – своя. И точно не зарабатываю тем, что снимаю лифчик перед тремя десятками озабоченных козлов.

Иногда – ненавижу Ройха за то, кто он есть. Потому что до того, как вскрылась истинная его сущность – я обожала его лекции. В рот смотрела. Из шкуры готова была выпрыгнуть, лишь бы пролистав мой проект он одобрительно кивнул.

Все знали, что преподает он из любви к самому процессу обучения. Зарабатывал Ройх частными проектами домов для олигархов. Единственный, кто в профессорате имел тачку представительского класса. На такого спеца хотелось равняться.

Впрочем, я теперь знала, из любви к какому искусству он реально преподает. И все восхищение им уже распустила на полосочки. Правда на парах все равно

было паршиво.

А чего может быть хорошего в том, что я точно знаю, что сейчас он во мне видит не перспективную студентку, а задницу в облегающих джинсах? Одну из тех, кого он не прочь нахлобучить.

Задача сложная. И алгоритм её решения – новый. Так как я опоздала, Ройх персонально для меня диктует пояснения для решения.

– Понятно?

Когда я заканчиваю, он смотрит на меня с таким необыкновенным презрительным одобрением, изобретенным специально для меня. И так меня это бесит, что сдержаться просто невозможно.

– Понятно, – киваю, – но по идее, эту задачу и старым алгоритмом можно решить. Только коэффициенты сменить.

– Да ну? – Ройх язвительно приподнимает бровь и щедрым жестом указывает мне на доску. – Рискнете доказать утверждение, Иванова?

За партами тихо воют – причем так, что совершенно точно понятно, кто-то из моих однокурсников понял, что живыми они отсюда сегодня не выйдут.

Насрать. На все насрать.

Я просто хочу стереть с лица неуважаемого Юлия Владимировича эту паскудную улыбочку. Он так смотрит на тех, от кого вообще ничего не ждет. И нахрен пусть катится с этим своим отношением.

Старое решение погибает от моей безжалостной руки с классной тряпкой. Доску покрывают новые ряды формул и поясняющих схем. Новое решение в полтора раза короче, и ответ у него точно такой же.

Выписав последнюю цифру, я сама нацепляю гримасу снежной королевы.

– У вас есть замечания, Юлий Владимирович?

Смотрит на меня, и сразу становится понятно – за эту сессию он выпьет из меня абсолютно всю кровь. Не пожалеет. И по уму я должна бы вести себя потише. Вот только потише я не могу. Слишком уж глубоко меня задевает этот сраный конфликт. И тот факт, что озабоченного козла не уволили. И тот факт, что я – лохушка, повелась на обещания проректора и отдала им запись. Стерла из памяти своего телефона.

Они обещали во всем разобраться. Не изменилось вообще почти ни хрена.

– Что ж, надеюсь, курсовой проект у вас так же самобытен и состоятелен, – Ройх едва-едва кривит губы, – жду после пары. Потом уже не приму.

Приебался ведь со своим курсовиком...

Заранее предвкушаю, как швырну его ему в рожу.

Ну, не швырну, конечно, просто положу, но настроение будет примерно будто швырнула.

Наконец-то свободная прохожу к своему месту, падаю на стул, понимаю, что ноги меня едва-едва держали. Ройх возвращается к доске и даже удосуживается откомментировать мой способ решения, советуя его записать.

– Ты все-таки совершенно отбитая, Катюха, – шепчет Анька тихонько, склоняясь к самому моему уху, – могла бы и повежливее быть.

Повежливее...

Фыркаю.

Анька ведь не знает, сколько раз за последние несколько дней Ройх назвал меня шлюхой. Сколько раз предложил деньги за перепих, смазывая то минимальное добро, которое буквально мне навязывал.

Нахер вежливость. Устала.

– Нют, ты мне курсач распечатала? – тихо спрашиваю шепотом. Надо уже получить на руки то оружие, которым я буду атаковать Юлия Владимировича.

– Курсач? Какой курсач? – подружка удивленно поднимает брови. Как первый раз слышит.

– Я ведь тебе скидывала на почту. С утра, – произношу холодея.

– Ой, прости, я думала, это ты мой с корректировками прислала, – Анька строит виноватую мордашку, – хотела вечером посмотреть. Он ведь нам на завтра консультацию поставил.

– Вам на завтра, – шепчу тихонько, – мне-то на сегодня. Без права переноса во времени.

Интересно, когда уже жизнь мне подлянки перестанет подкидывать?

Конечно, Ройх даже и не пытается меня выслушать. Криво ухмыляется, пожимает плечами.

– Я предупреждал, Катерина. Проекта нет – на экзамен не допущены. Увидимся на допсессии.

Встает из-за стола, прихватывает кожаную папку, в которой носит заметки к лекциям, уходит.

А я же остаюсь в аудитории – смотреть в ненавистную спину, пытаюсь ровно дышать и прямо сейчас не удариться в истерику.

Я. Не. Могу. На допессию.

Я каждый гребаный семестр бьюсь на переэкзаменовках, оспаривая предвзятость оценок Ройха, который единственный лепит мне пары на экзаменах.

Стипендия у меня не бог весть какая, но все же, когда я выворачиваю карманы, из последков оплачивая мамины счета, иметь несколько тысяч на еду –

спасение.

Рожи у моих одноклассников как назло – злорадные. Хоть бы делали вид, что им меня жалко. Нет. Им поперек горла “мои выебоны” и умение практически в любой ситуации, кроме этой, доказать свою правоту. Когда был жив папа и жили мы на широкоую ногу – мне прощали эти косяки за то только, с какой отдачей я клубилась на вечеринках. Сейчас я “загордилась” – так они думают. Не догадываются, что мне просто некогда, да и нет никаких сил зажигать. Плевать им. Только в радость, что Ройх меня срезает.

Из двадцати человек лишь Анька поглаживает меня по плечу, с виноватой полуулыбкой. А я изо всех сил стараюсь удержать в себе неумолимое желание на неё рявкнуть. Да, она проебалась, не подумала, не открыла мой файл. Но она единственная меня сейчас поддерживает.

– Кать, Кать, – чуть пониже локтя касается подрагивающая ладонь. Оборачиваюсь, смотрю в глаза Варе, нашей рассеянной принцессе.

– Я на той неделе в библиотеке распечатывала документ, – тихо улыбается она, – только ты скажи, что по учебе, Марина Анатольевна и сделает.

Такое ощущение, будто в глаза мне ударили слепящие лучи уже нежданного солнца.

– Господи, Варька, как я тебя люблю, – бросаю уже на лету, уже почти за дверь. Потом заобнимаю её.

У нас так-то не идут на уступки студентам. Считается, что для учебных вопросов мы должны суетиться сами, а у деканата не хватит финансирования. И если старостам еще иногда улыбается звезда милосердия, то все остальные, а особенно скандальные особы вроде меня, должны изыскивать средства сами. И тут... Библиотекарша. Боже, только б Ройх не ушел. У него, кажется, еще одна пара должна быть, у магистров, я могу успеть...

Марина Анатольевна – наша библиотекарша, с романтическими глазами тургеневской барышни, действительно оказывается настоящей Матерью Терезой и не только соглашается распечатать для меня учебный проект, но и в почту с её рабочего ноутбука разрешает зайти.

Когда старенький Кэнон начинает скрипеть костями и тянет первый лист бумаги в свое нутро – я снова готова разрыдаться, только на этот раз – от счастья.

Нет, спать все-таки надо больше двух часов в сутки, совершенно ни к черту становится эмоциональное состояние.

Я влетаю в преподавательскую за две минуты до звонка к началу второй пары. Прижимаю к сердцу злополучный курсач и имею несгибаемое намерение его Ройху втюхать не потом, так кровью. Костями лягу поперек прохода. Вот только вместо Ройха наблюдаю там удивленную преподавательницу по информатике, с факультета айтишников, и не менее офигевшую моим эпичным появлением секретаршу.

– Мне бы Юлия Владимировича, – нервно выдыхаю, ощущая как горит под ногами земля, – вопрос жизни и смерти. Он в какой аудитории сейчас?

– Ни в какой, – покачивает головой Ольга Юрьевна, наш бессменный секретарь, – они поменялись парами с Глебом Андреевичем, и Юлий Владимирович на сегодня уже уехал.

Новость такая – хоть стой, хоть падай и начинай орать.

Почему, почему, почему все именно сегодня так по-дебильному складывается?

Видимо, ощущение разворачивающегося в моей душе конца света как-то отображается у меня на лице, потому что информатичка с секретаршей переглядываются с неожиданным сочувствием.

– Если у тебя срочный вопрос – попробуй заглянуть в кафе “Афродита” через дорогу, – советует Ольга Юрьевна, – Юлий Владимирович говорил, что не успел позавтракать. Он всегда только там и ест, если рядом с университетом.

Неожиданный квест, обрушившийся на меня с утра, получает новое продолжение. Я покрепче перехватываю скоросшиватель, в который загрузила распечатку, и иду в гардероб за курткой. Честно говоря, уже не особо надеюсь, что застану Ройха в долбаной кафешке. Просто хочу пройти все положенные мне круги ада до конца и осознать тщетность своего бытия на все сто процентов.

Под ногами – грязь и ноябрьская слякоть. Настроение – с каждым шагом к “Афродите” становится все мерзотнее. Так за ним бегаю. А зачем? За тем, чтобы он снова меня послал? Я же знаю, что он любыми средствами пытается выжить меня из универа. И не будь я настолько убийственно упряма – уже бы выжил. Только впереди еще год бакалавриата и два – магистратуры. Еще три года войны, а ведь у меня уже сейчас не хватает на неё никакого ресурса.

Так зачем я так упрямо шлепаю по этим гребаным лужам, в это гребаное кафе? Мне всерьез нужно озаботиться вопросом грядущей встречи с Вовчиком, потому что не могу же я вторые выходные подряд расставаться с полученной на смене выручкой только из-за того, что у моего братца есть чересчур глубокая привязанность к моим деньгам.

Наверное, это просто в очередной раз обострилась моя идиотская принципиальность. Никому не нужная!

Просто мне зачем-то нужно все-таки дойти до кафе, замереть на входе в зал, обвести его взглядом, не найти там нужного мне мудака.

Почему-то ощутить слабое удовлетворение, будто я – мазохистка и обожаю обламываться.

А потом – подскочить чуть не до потолка от внезапно упавшей мне на плечо жесткой ладони.

– Так кто из нас кого преследует, Иванова?

Профессор

Смотрит на меня темными своими, триста раз мной проклятыми, безднами. Столько проблем у меня из-за них эти три с лишним года. И сейчас только в них и смотрю. Нихрена больше не вижу. И не помню. Вроде пришел-то пожрать, а так и хочется рывкнуть официантке, чтобы не спешили с заказом.

Все, что я хочу съесть – вижу сейчас перед собой. И мое вожаделенное блюдо стоит передо мной, губы свои сухие облизывает.

Пришла. Сама ко мне пришла. С пар свинтила даже. Поняла, что я уже всякое терпение от её выкрутасов теряю? Все еще хочет жить и чтобы её грязные дела остались секретом? Устала строить из себя умницу-разумницу?

Пальцы сами с её плеча на шею переползают. Знала бы эта девочка, сколько раз я мысленно смыкал эти пальцы на её горле и выжимал из него весь воздух. Даже сегодня, когда она передо мной выкаблучивалась, зная прекрасно, что выполнить мои условия у неё понтов не хватило.

- Ну что? Зачем пришла? - я шепчу вкрадчиво, а мои пальцы не успокаиваются, продолжают путь, перебираются на спину девчонки, ползут по ней вниз, - неужто ты надумала договориться, Катерина?

Молчит. И смотрит на меня как кролик на удава. Не хамит. Не орет. Не бежит.

Конечно, это не "да". Но во всем, что её касается - мне просто отказывает разум. А сейчас я не в вузе. И маска, которую с таким трудом держу там, на лекциях, трескается все сильнее.

Все на что хватает - не сгребать маленькую дрянь в охапку прямо здесь, в дверях в кафе. А вот толкнуть её в сторону, под прикрытие угла, чтобы уже тут впечататься в её тело своим...

Девчонка выдает тихий стон, а я - ненавижу её лишь сильнее. Потому что так мало с её стороны, а у меня уже все шлицы сорвало.

Год себя убеждал - это просто аморально, настоящий кошмар, так свихнуться на студентке, да еще и на этой. Умнице-красавице, гордости курса. Такие как она даже не на одном курсе ведь бывают.

Сколько-то выдержал. И наверное, еще бы продержался. Если бы только раз не дал себе волю...

Чтоб потом узнать, что меня просто поимели. Чтоб подставить.

И за это я её порву, сожру, ни клочка живого не оставлю, в пыль кровавую разотру, только... не сейчас.

Самое отвратительное – ничего не поменялось. Все как было, так и осталось. И те конвульсии, что сейчас бьют мое тело, как двести тысяч вольт разом – это совесть меня карает. За то, что не удержался. За то, что держу маленькую дрянью, гребаную гордость всего факультета строительства и архитектуры, на весу, за то, что пальцы мнут её задницу, будто это тесто, за то, что зубы впиваются в тонкую кожу шеи.

Я почти хочу, чтобы она заорала, снова брыкаться начала, а она – ногами меня обнимает и снова тихонько постанывает.

Дьявол. Снова я в это... Без права на пробуждение...

Но так её хочу... Если бы не два слоя ткани между нами – прямо сейчас ей бы и засадил. Натянул бы на себя по glandy, так чтоб с первого же раза сил орать не осталось.

Знаю, что сделать. Хоть что-то взять сейчас, чтобы хоть как-то дать себе передышку. Накрыть налитые, пухлые, спелые губы ртом и достать языком до gland.

Сладкая дрянь.

Столько раз других трахал за эти три года, представляя её – самому противно. А сейчас в руках держу. На вкус пробую.

Еще один стон. Выгибается мне навстречу. Ноги крепче стискивает на моей posнице. Да что ж ты со мной делаешь, маленькая стерва! Я ж с тебя кожу сниму и на коленях заставляю стоять, пока они синие не станут. Ты вообще забудешь, что у тебя хоть какие-то другие клиенты были!

– А ну-ка прекратите сейчас же, – возмущенный голос за моим плечом в первый раз я воспринимаю как досадную раздражающую помеху.

– Прекратите, а то я полицию вызову. Здесь вам не бордель. Мужчина, я к вам обращаюсь.

Меня бесцеремонно за плечо трясут. Отвлекают. Выдирают из судорожного кайфа обладания вожделенной моей дрянью. Отпускаю её рот, чуть поворачиваюсь. Вижу хозяйку кафе, полноватую женщину. Обычно вполне терпимой её нахожу, сейчас хочется посоветовать ей собой лучше заняться, чем ко мне лезть.

– Убирайтесь немедленно, – возмущается тем временем тетка, праведно пламенея лицом, – как не стыдно. Взрослый мужчина. Профессор. У меня тут семьи с детьми приходят! А вы что тут творите?

Совершенно неожиданно у меня в мозгу матфильтр находится. И четыре фразы подряд, которыми я хочу ответить отвлекающей меня хамке, этот матфильтр не проходят. Чересчур матерные даже для этой уебанской ситуации.

А потом – дело решает Иванова. Совершает какой-то дикий рывок, выворачивается из моей хватки, хлопает дверью кафе, оставляя меня один на один на один с краснорожей драконихой.

– Ну хоть у кого-то стыд проснулся, – удовлетворенно кивает тетка, скрещивая руки на груди.

Смотрю на неё секунды три, потом – посылаю в жопу. Она начинает раздуваться как воздушный шар, я только морщусь и выхожу на крыльцо кафе. Оглядываюсь. Хочу убивать. Сбежала Иванова, ну конечно, ни следа не видать. В университет рванула или куда-то еще?

– Эй, вы, мусор свой заберите, – стопку белых листов в синем скоросшивателе фурия из кафе чуть не в лицо мне швыряет, только из-за того, что я к ней поворачиваюсь с весьма ядовитым видом – передумывает и просто молча пихает в руки.

– Прошмандовка ваша выронила, – шипит она зло, – чтоб я больше здесь вас обоих не видела.

– Была охота травиться, – холодно роняю, сам без особого трепета прощаясь с этим посредственным заведением. Всех и плюсов было, что в районе университета здесь кормили худо-бедно съедобно и в меню что-то кроме шоколадных кексов имелось.

Папку открываю только в машине. Недоверчиво пролистываю страницу за страницей. Откладываю, испытывая желание побиться головой об стену.

Господи, вот ведь ебнули гормоны в голову. Решил, что девчонка капитулировать явилась. Зажал, облапал, даже не целовал – рот языком трахал. А она курсовик принесла. И теперь имеет возможность устроить в университете именно такой скандал, который мне накануне ученого совета вообще не нужен.

6. Диктатор

Катя

Сама не знаю, как добралась до общаги. Это была какая-то глубокая, темная кома, огненная агония, отнявшая у меня несколько часов жизни. Я и осознаю-то себя уже не где-нибудь, а в темени под одеялом общажной комнаты.

Осознаю и тут же буквально судорогой сводит от захлестнувшего с головой воспоминания. Безмолвная, бестолковая оторопь, одолевшая при встрече с самым ненавистным человеком в моей жизни. Даже Вовчика не ненавижу так, как Ройха. Потому что Вовчик ни за что в жизни не заставит меня испытать в его адрес хоть что-то человеческое. Я презирала его в детстве, ненавидела за то, что мама смотрит ему в рот. Знала, что это неправильно, так относиться к брату, но... Ни один брат моих подруг не бил сестер тайком. Не воровал их кукол, чтобы выжечь им глаза окурками, не подкидывал сигарет, чтобы влетело еще и от мамы, не отнимал личных денег под любым благовидным предлогом.

Вовчик таковым был. И я этого никогда не забуду. Злопамятная сука, да, это я.

А вот Ройх...

Что он со мной сделал?

Что такого произошло, что со мной вдруг случилось... Это!

В какой момент из той, что с удовольствием врезала бы неуважаемому профессору куда удастся – по морде, по яйцам – все хорошо, все на пользу, – я вдруг превратилась в постанывающую, захлебывающуюся каким-то совершенно немыслимым жарким удовольствием потаскушку?

Господи, я даже курсач выронить умудрилась! Как? Это ведь было вообще единственное, зачем я к нему пришла.

От вопросов гудит в голове. Пока нет Оксанки – я даже бессильно вою и луплю кулаками подушку. Честно говоря, помогает это не очень. Да и что вообще может помочь? Что вдруг заставит меня забыть, как я цеплялась за Ройха, выгибалась ему навстречу и думала...

Господи, лучше даже не вспоминать, что я при этом думала. Это что-то безумное было. Не мое. Пьяное и неадекватное. Совершенно необоснованное.

Приходит Оксанка – я заставляю себя встать. Не хочу её пугать. Она не с нашего потока, что я прогуляла почти весь день – просто не знает. Но если заметит, что я дрыхну в дневное время – и коменду поднимет, и в скорую позвонит. Шило в жопе беспокойное ей спать не даст.

Правда – хер разберет, что я и кому пытаюсь доказать тем, что пытаюсь что-то из себя строить. Из рук все равно все валится. И Анькин курсач, который я пытаюсь делать – совершенно никак не желает двигаться с места. Даже просто перенабрать нужные формулы из лекций никак не получается...

Когда начинает звонить телефон – я даже трубку брать не хочу. Потом вспоминаю, что возможно это из клиники звонят – дергаюсь к телефону. Если маме стало хуже или лучше – хочу быстрее об этом узнать.

Увы.

Фамилия абонента оказывает на меня такое действие, что я от ужаса чуть не швыряю телефон под батарею, только в последний момент спохватываюсь.

Ройх, конечно, та еще сволочь, но обрекать себя саму на покупку нового смартфона, да даже на ремонт этого – я не готова. Просто вырубая звук и

откладывая телефон в сторону. Сейчас он не дозвонится и отвяжется...

Ну, да, щас, размечталась, Катя!

Звонит и звонит. Аж пять прозвонов подряд до отбоя делает. А потом присылает СМС. СМС не страшно, так и быть, открою.

Лучше бы не открывала!

“Или ты через три минуты вытащишь свою задницу из общаги, Иванова, или я сам зайду”.

Волосы чуть не дыбом встают.

Чтобы потом по всей общаге ходили слухи, что ко мне препод “в гости” ходит?

Урод он все-таки. Совершенно выбора не оставляет!

Когда иду на подгибающихся ногах навстречу ужасу и смерти – отчаянно и бессмысленно надеюсь, что на самом деле – это какой-нибудь пранк. И не думал он приезжать, просто... Зачем-то мне мозг выносит.

Да, дебильный вариант, я понимаю. Просто это сейчас хоть как-то утешает. А мысль о том, что я хоть сколько-нибудь пробуду в компании этого озабоченного козла – нет. И думать при этом обо всем, что сегодня в кафе случилось... Просто ужас.

Конечно же, утешиться мне нечем. Ройх ждет меня на самом краю парковки. Как раз там, где пару дней назад парковался ублюдок-таксист. Стоит, курит.

– Пожалуйста, оставьте вы меня в покое, – прошу отчаянно, останавливаясь в трех шагах, – ну что вам от меня надо-то?

Он молчит, то ли разделявая меня взглядом на части, то ли раздевая – а я с перепугу в длиннющий пуховик влезла, который мне еще отец покупал. Затягивается так нарочито вдумчиво, будто специально время тянет.

– Ты ужинала?

Вопрос застаёт меня совершенно врасплох. Настолько, что я сначала головой покачиваю, а потом спохватываюсь – зачем это сделала. Это ведь Ройха совершенно не касается.

– Садись, – он кивает влево, так спокойно, будто и не сомневается, что я поспешу его послушаться, – я знаю неплохой ресторан в конце улицы.

– Никуда я с вами не поеду, – мой голос дрожит, и я на самом деле близка к истерике, – с вами – никогда в жизни.

Смотрит на меня так – хочется пристрелиться. В одних только темных глазах все уничтожение мира. Внутренне почти готова слать его матом, во всех мыслимых и немыслимых направлениях, если снова начнет меня прессовать.

– Ладно, – наконец криво ухмыляется Ройх, – значит, будет не ресторан. Будет кафешка, до которой мы догуляем пешком. Это достаточно безопасное место, чтобы поговорить, на твой вкус, Катерина?

– Нет, конечно, – категорично мотаю головой, – с вами я вообще никуда не пойду. С места не сдвинусь. И говорить нам не о чем.

– Думаешь? – темная бровь Ройха выразительно изгибается, и он на несколько секунд ныряет в машину, чтобы потом выразительно стукнуть по ладони папкой с моим курсовиком, – что, и даже свой проект ты совсем обсудить не хочешь?

Вот уж чего не ожидала увидеть в его руках, так это чертову многострадальную папку, потерянную самым позорным образом.

– Вы можете просто его забрать... – тихо произношу, ощущая собственное бессилие, – и проверить к консультации.

– Даже не знаю, ради чего мне это делать, – Ройх позволяет себе холодную улыбку, – ты не сдала проект в установленные сроки. Вот это – было найдено в кафе. И никто в университете не в курсе, при каких условиях. Я легко могу отправить эту папочку в ближайшую помойку, и сказать, что её не было.

– Это нечестно, – шепчу, только истинным чудом удерживаясь от того, чтобы разрыдаться.

– Диктофон под юбкой тоже не был честным ходом с твоей стороны, Катерина, – он невозмутимо разводит руками, – так что или мы с тобой сейчас идем в кафе и разговариваем, или я твой проект даже в глаза не видел. Выбирай сама.

Первый свой обреченный шаг делаю в совершенно непонятном направлении. Потом только соображаю спросить.

– Куда вы хотите?

Ройх самодовольно кривится, оглядывается, и сам шагает в нужную сторону, прихватив меня под руку. Кажется, его пальцы сквозь куртку меня прожигают.

– Ну, только не надо так демонстративно умирать, Катерина, – роняет он колко, – ничего с тобой не случится от получасовой беседы. И от ужина в моей компании твоя умная голова вряд ли взорвется.

Ну, это как посмотреть. Сейчас в этой якобы умной голове только ужас-ужас-ужас и поиск путей отступления. Вот только ради курсача приходится терпеть.

Терпеть и думать, где провести границу. Потому что если он думает, что ради курсача я снова ему позволю... Нет уж, брр. И руки пусть уберет.

Локоть я себе все-таки отвоевываю. Ежусь и до самого кафе иду как дура, обняв себя за плечи, с такой прямой спиной, будто шваброй обедала.

Кафе оказывается приятным. Приятным и дорогватым для заведения, расположенного рядом со студенческой общагой. И это хорошо. Хоть никто из моих знакомых меня здесь с преподам в одной компании не увидит.

– Мне самому тебе заказать или ты все-таки сама выберешь, что хочешь?

– Сама, – огрызаюсь и назло Ройху набираю полный поднос десертов. И похрен на все. Пусть платит, раз меня сюда притащил. Должна же я какое-то моральное удовлетворение от ужина в его компании получить.

Ройх и ухом не ведет. Только посмеивается.

- Ужасно интересно, куда в тебя влезет столько пирожных.

- В рот, исключительно, - огрызаюсь, встряхивая головой.

- Не думал, что он у тебя такой вместительный, - Ройх расплывается в очередной пакостной улыбке во всю рожу, - как это поднимает... настроение, Катерина, даже не представляешь.

С трудом удерживаюсь, чтобы не взять милое пирожное с клубничным желе и не размазать его по профессорской физиономии. Вместо этого подцепляю завиток сливок пальцем и демонстративно неторопливо их слизываю, глядя Ройху в глаза.

Зачем?

Да затем, чтобы подавился воздухом, гребаный озабоченный козел! И тьма в его глазах плеснулась, пытаюсь подняться в цунами.

- Нарываешься, Иванова? - сипло шепчет Ройх, глядя на меня неотрывно.

- Что вы, Юлий Владимирович, - холодно улыбаюсь, - настроение вам поднимаю. Оно там как, поднялось? Хорошо поднялось? Вам уже жмет?

Злой ликующий смех рвется из меня наружу, когда Ройх смотрит на меня сквозь темные холодные бойницы собственных глаз. Сам захотел, козел. Сам меня вызвал, притащил, и что думал? Думал, я на бис повторю тот ступор, что меня в кафе одолел? Щас!

- Вы мне что-то важное сказать хотели, Юлий Владимирович? - произношу, нарочито раздражающе растягивая звуки. - Или просто импотенцию полечить?

- Что ты несешь, Иванова? - его глаза яростно вспыхивают.

– Правду-матку, конечно, – кривлю губы, игнорируя его настрой, – вас же заводят молоденькие телочки, так? Иначе на кой хрен вы за мной столько времени таскаетесь. Лявву еще эту аж при мне сняли вчера. Ну, я надеюсь, ей хорошо обломилось? Не зря вчера меня таскали, грыжу зарабатывали?

– Не волнуйся, – Ройх криво ухмыляется, принимая подачу, – не пропали втуне твои великие усилия. Ларе все понравилось. Телефончик дала, перезвонить просила. Спину мне под хохлому расписала. Смотреть будешь или на слово поверишь?

Кровь бросается мне в лицо, потому что ладонь Ройха и вправду касается воротника, будто он и действительно хочет продемонстрировать мне исцарапанную медсестричкой спину. К горлу тошнота подкатывает.

– Спасибо, я переживу, – говорю с глубочайшим отвращением. Отворачиваюсь. Утыкаюсь взглядом в стену, пытаюсь просверлить в висящих на ней часах сквозную дырку.

Тикайте быстрее, ходики. Мои полчаса и так будут похожи на гребаную вечность.

А Ройх скрипит стулом, придвигается ближе, склоняется к самому моему уху.

– Не ревнуй, Катерина. Только тебя я на её месте и представлял. От начала и до конца.

Снова опалает огнем. Да что он о себе возомнил?

– Я? Вас? Ревновать? – повторяю в ужасе, отодвигая свой стул подальше. – Вы бредите, Юлий Владимирович.

– Да ну? – Ройх только едко бровь задирает. – Совсем-совсем необоснованно брежу? И ты этим утром не цеплялась за меня аж ногами? Не скулила как течная сука, жаждущая только скорейшей случки?

– Нет! – рычу, вскакивая на ноги и почти готовая к тому, чтобы броситься на него с кулаками. – Не было такого. Я растерялась, не дала вам отпор. Но вот эти свои

мерзости... Оставьте для своих престарелых дур, которые вас уже не заводят.

– Оставлю, не переживай, – кивает Ройх глядя на меня все так же – презрительно и ехидно, – как скажешь, Катерина. Хорошо, что ситуация в кафе не оставила у тебя каких-то иллюзий. Собственно, это я и хотел обсудить. И если ты уже прооралась – сядь. Поговорим о делах, без эмоций. Тебе это по силам вообще?

Задает вопрос он – и на него у меня нет однозначного ответа. Вот только чего я меньше всего хочу, так это проигрывать Ройху. Уступать. Не справляться с тем, что под силу ему.

Именно поэтому я цепляю пальцами спинку стула, отодвигаю еще дальше от Ройха, приземляюсь на мягкое сиденье, задираю брови.

– Чудеса, – Ройх округляет глаза изображая удивление, – что ж, раз у тебя получилось, значит, проговорим вопрос сразу. Все, что было сегодня в кафе, после лекции – обсуждению не подлежит. Ни с мамой, ни с папой, ни с сестрой, ни с лучшей подружкой. Тебе вообще об этом лучше забыть.

– И чего ради? – откидываюсь на спинку стула, скрещивая руки на груди. – Чего ради мне забывать, что вы в очередной раз решили, что нормы морали и правила приличия не про вас? Я, может, очень хочу написать еще одну жалобу в деканат. Может, они вас наконец уволят?

Конечно, я пока об этом не думала. Не очень верится в успех этого мероприятия, если честно. Но если Ройх сам пришел – значит, опасается. Значит, попытаться все-таки стоит.

– Чего ради? – он криво улыбается, склоняя голову набок. – Например, ради того, чтобы на твои выступления в клубе по-прежнему приходил только я, а не весь деканат полным составом. Ради того, чтобы не было в нашем прекрасном престижном университете ужасного скандала о студентке-стриптизерше, которая попирает наши высокие идеалы и не соответствует моральному облику нашего учебного заведения. Ради того, чтобы у тебя по-прежнему были возможности бесконечно меня бесить, Иванова. Потому что я-то без работы не останусь, если ты рот свой откроешь. А вот тебя ни один приличный универ уже не возьмет, если всплывет, чем ты занимаешься в свободное от учебы время. Впрочем, если для тебя это не работа, а хобби – кто знает. Может, тебе

понравится заниматься только им?

Встает, коротко ухмыляется, окидывая меня презрительным взглядом, и уходит. Он все сказал, а значит – разговор окончен.

Забавно. Я-то думала, уже не смогу его ненавидеть сильнее, чем раньше. А ведь могу. Могу! Получается!

7. Наваждения 2.0

– Иванова, – горячий шепот заставляет кожу покрыться мелкими мурашками. Я чувствую тяжесть чужого тела, чувствую, как расползается молния на спинке платья.

Почему я в постели в длинном блестящем платье – это, конечно, другой вопрос. Хотя... Платье и платье. Отлично в нем спится. А что еще в нем делать, ходить, что ли?

– Иванова-а, – мягкий вкрадчивый голос снова превращает мои мысли в густой кипящий кисель. Я понимаю, что твердые костяшки ведут мне по спине, а потом – и вовсе ныряют под платье и сжимаются на груди.

Приятно, черт. Выгибаюсь призывно, требуя не останавливаться, подставляю шею раскаленным губам.

– Молодец, Иванова, – одобрительно шепчет голос, заставляя меня чуть ли не замурлыкать, – зачетку давай.

Зачетку?!

Ледяной душ и тот не заставил бы меня проснуться так быстро, как этот отголосок праведного ужаса, что ярким заревом озарил пустоту в моей голове.

Я сижу на кровати, жадно хватаю воздух ртом, и по-прежнему явственно ощущаю следы прикосновений на коже. Там, где жадные, грубые руки прикасались и мяли меня во сне. Так приятно было...

Чтобы привести себя в чувство – закусываю зубами тонкую кожу с тыльной стороны кисти. Только боль вытесняет фантомные ощущения, только боль заставляет кожу на шее гореть огнем в тех местах, где меня во сне целовали.

Молодец, Иванова, давай зачетку!

Господи, ну я ведь ошибаюсь, да? Ройх ведь мне не снился? Не снился мне опять? Это просто ужас какой-то!

Падаю обратно, на кровать, пытаюсь снова заснуть. Вот только – хрен мне, а не сон. Кровь в венах шумит, бурлит, кожа пылает, а еще... Это противное чувство внизу живота. Мучительная, тянущая, жгучая пустота.

Господи, как же от этой дряни избавиться?

Переждать?

Сейчас это кажется таким нестерпимым. Недостижимым. Ладно, может, тогда...

Зубы закусывают уголок подушки, пальцы ныряют вниз, под тонкую резинку, поглаживают-похлопывают такую горячую, такую ставшую вдруг чувствительной плоть.

Эй? Ты там с ума сошла, сестренка? Давай-ка уймись уже. Нам бы всем поспать, и тебе, и мне... Завтра сложные лекции. И номер для воскресного выступления хотелось бы прорепетировать. И к маме заехать!

Нет. Моя собеседница не хочет думать о каких-то там проблемах. Она хочет, чтобы я закрыла глаза и глубже нырнула под одеяло. Там, под одеялом, можно и грудь под тонкой футболкой пальцами сжать. И представить, что это не мои пальцы стискивают сосок. А другие. Грубые, жадные, почти жестокие...

Сжать, закусить губу, зажмуриться до ярких, оранжевых точек под темными веками.

А потом, осознав, чем именно занимаюсь, с грацией мешка с картошкой свалиться с кровати. Только ударившись коленями об пол, слегка прихожу в себя. На всякий случай – отвешиваю себе пощечину. Не сильную, но ощутимую.

– Ты с ума сошла, мать? – шепотом себя спрашиваю. – Seriously, что ли? Других проблем нет? Обязательно надо подрочить в три часа ночи? Да еще и этого козла при этом представлять?

Можно, конечно, прикинуться, что я не понимаю, кого именно представляла, чей хриплый шепот так хотели услышать уши, чей бесцеремонный напор вызывал все эти настроения. Но уж сейчас, в три часа ночи, когда моя соседка сопит рядом, я могу быть откровенной хотя бы с самой собой?

Нет, это просто...

Он меня за шлюху держит! А я его держу – только за озабоченного козла, которому сначала моя подруга не дала, потом я не дала – вот он теперь и бесится.

Организм же мой – какой-то кретин. Вот прямо сейчас требует вернуться под одеяло, снова закрыть глаза и продолжить начатое.

А может, мне еще и кончить, выдохнув “Профессор” напоследок?

Вопрос задаю себе риторический и, к своему гневному возмущению, понимаю, что эта фантазия мне нравится.

Господи, да что за блядский такой настрой?

Ах, так!

Буквально назло себе – хватаю с батареи полотенце, ноги сую в сланцы и тащу свою задницу в душ. Тут главное, чтобы коменда не проснулась. Она не то чтобы против ночных купаний, но периодически насчет них орет. Но если не застучает

и не проснется – тогда история о жестоком обращении со своей озабоченной тушкой останется моим маленьким секретом.

Душ принимаю такой ледяной, такой долгий, что когда возвращаюсь из душевой – почти час лежу под одеялом, лязгаю зубами, пытаюсь согреться. Это, конечно, помогает, но не то чтобы очень.

В конце концов, когда Оксанка начинает ворочаться и переводить будильник, оказывается, что я так и не смогла уснуть. Просто лежала гребаных четыре часа в кровати и гонялась за всякой еретичной мыслью чуть ли не с топором.

– Ты чего? – Оксанка удивленно лупает на меня глазами, когда я резко сажусь и начинаю одеваться. – Чего ты так рано сегодня? Тебе ж ко второй паре?

– Похабщина всякая снилась, – признаюсь честно. Мы вполне нормально общаемся для таких секретов. Если не конкретизировать – можно и объяснить, – как проснулась, так и не могу уснуть.

– Ясно, – Оксанка корчит сочувственную рожицу, – знакомая проблема. Особенно посреди цикла бесят такие штуки. Такая лютая вещь – все эти гормональные перепады.

– И чего с ними делать? – спрашиваю, прежде чем соображаю, что вопрос дурацкий. Соображаю. Поздно. Оксанка уже успевает прыснуть хохотом и даже завалиться обратно на кровать.

– Трахаться бывает полезно, Катюха, – выдыхает она просмеявшись, – как рукой обычно снимает.

– Да ну тебя нахрен, Оксана, – с трудом подавляю желание придушить насмешливую стервь подушкой. Озабоченная дура, блин.

– А ты попробуй, откроешь для себя много нового, – хихикает Оксанка и с демоничным хохотом сама уносится в душевую. Затем она в такую рань и встала, чтобы башку помыть.

А я...

А я задумчиво зависаю.

Не сказать, что я очень уж верю в то, что животворящая дефлорация что-то изменит в моей жизни. Но верю в прикладную психологию, которая неплохо объясняет рефлекс психологической защиты. Просто Ройх слишком долго меня прессует. Это все – стокгольмский синдром, не иначе. Я уже просто не представляю, какой может быть жизнь, в которой нет его пошлостей и унижительных знаков внимания.

Да и гормоны игнорировать просто нельзя. Третий курс и девственница, о таких вещах в нашем веке просто не рассказывают, чтоб не засмеял никто. Помню, создалась Марку, когда он мне предлагал и “дополнительным сервисом” подрабатывать. Как он хохотал – стены шатались.

Может...

Может, если я разберусь с этим вопросом – удастся выселить Ройха хотя бы с территории моих сновидений?

На пары иду, стараясь себя накрутить, как можно сильнее.

Решила – так делай, тем более, как Анька говорит – мне уже давно пора. Прихожу, стараюсь следить за лекцией, но украдкой постреливаю глазами по сторонам. На курсе архитекторов много парней. И из них уже не один ко мне подкатывал, то в кино приглашая, то на тусовку – на что характера хватало, туда и звали. Правда после пары таких тусовок я прослыла лютой динамщицей, но этот имидж мне до сегодняшнего дня не натирал.

А вот сегодня...

Смотришь и думаешь, что, может быть, я это зря, а?

– Эй, ты чего? – Анька толкает меня локтем, и я понимаю, что уже десять минут тарашусь на сидящего впереди нас Костю Артамонова. Хороший парень, кстати, серьезный. Правда занят. За те полгода, что прошло с последнего его подката, замутил с Варей. И до того они сладко за ручки держатся, что вклиниваться между ними сможет только откровенная сука.

Я не настолько беспринципная.

Да я вообще не беспринципная, что уж там. Перед каждой сменой в стрип-клубе чуть не панические атаки ловлю о том, как папа с того света явится и придушит меня за это вот все.

– Да так, ничего, – соображаю, что Анька все еще на меня смотрит, краснею и утыкаюсь в тетрадь. Философичка гневно прокашливается, намекая, что еще чуть-чуть – и возьмет болтающих нас на карандаш. Лучше бы нет – уж больно въедливая тетка.

Впрочем, от Аньки так просто не избавиться. Анька пихает меня локтем и берется за телефон.

«Что-то с мамой?» – прилетает мне в Вотсап.

«Все нормально, – набираю, – мне не звонили из клиники, значит, все в рамках допустимого. В её положении отсутствие негативной динамики – это хорошо».

«Не заговаривай мне зубы, – прилетает в ответ, – я же вижу, что ты мутная какая-то. Чего ты задумала?»

«Да так», – пытаюсь уклониться от ответа, но напору Аньки еще никогда не могла противостоять.

Она атакует меня кучей стикеров и сообщений.

«Говори, говори, говори!»

Если бы меня когда-нибудь спросили, какой птицей стала бы моя лучшая подруга, я бы сказала, что стайей чаек. Эффект примерно тот же. А еще когда её распирает от любопытства – она начинает щипаться. Прямо на лекции. Потому что нельзя так мучить бедную её, которой ужасно интересно.

Такая несносная бывает – прям капец. Но лучшим друзьям прощают такие недостатки. Иначе вообще никого в жизни не останется.

– Скажу, скажу, скажу, – шиплю на ультразвуке, так чтобы философичка не услышала, а Анька наконец успокоилась – все плечо мне уже исщипала.

«Ну?!!» – нетерпеливо подмигивает мне Вотсап и начинает прыгать по экрану озабоченный пингвин.

«Обдумываю кое-что», – отбиваюсь, пытаюсь понять, как это вообще сформулировать.

«Что? Что? Что?» – Анькиному напору носорог позавидует.

«Да вот думаю... – приходится зажмуриться, чтобы это озвучить, – думаю, что кое с чем мне надо расстаться».

«С чем?» – сначала Анька не понимает. Приходится два раза состроить говорящую физиономию, двух разных степеней досады. Ну как можно не понять.

«Боооооооже!!!!!!!!!!!!!!»

Вотсап должен был просто умереть от такого количества восклицательных знаков, сколько она мне прислала.

«А с кем, с кем, с кем?» – нетерпеливый таран Анькиного любопытства продолжает терзать мои стены.

«Не знаю, – досадливо морщусь, набирая, – это ведь нифига нельзя так вот решить».

«Конечно, можно, – Анька безмятежно отмахивается, – киса, тебе ведь не тридцать лет. Только не говори мне, что ты веришь в эту старперскую чушь про “первый раз только с мужем” и “только по любви”».

Ну, раз ты так просишь, Нюта, я, конечно, не буду это говорить.

«Сексом и для настроения занимаются, – прилетает мне веское сообщение, – относись к этому легче. Как к чистке зубов. Нужно для здоровья».

«Тебе легко говорить, – замечаю я, – ты с Илюхой уже второй год встречаешься».

«Ну так только встречаюсь! – Нюта выделяет последнее слово кучей восклицательных эмоджиков, – и то только потому, что он отлично трахается. Если ты думаешь, что я собираюсь за него замуж, детишек нарожать – зря. Я не настолько дура».

– Иванова! Капустина! Положите-ка телефоны мне на стол, – голос препода по философии обрушивается на наши головы словно гильотина, – заберете после второй пары.

– Твою мать, – Анька морщится и выключает телефон перед конфискацией.

– Ну, мы и правда охренели в край, – замечаю. Анька морщится, но кивает. Разошлись ведь и вправду.

– Не ссы, подруга, – шепчет она, подталкивая меня локтем, – твое горюшко не горе. Найдем мы тебе мальчика для перепиха.

Эй-эй, что это еще значит “найдем”?

8. Варианты

– Может быть, Макс, из параллельного потока?

Я смотрю, куда указывает Анькина вилка, и морщусь.

– Он же страшный, как смерть, – ужасаюсь шепотом.

– Зато высокий. И в баскетбол играет. Знаешь какая долгая у спортсменов эрекция? Это тебе не какой-нибудь лузер, который три раза ткнул и кончил. И вообще мужик для траха не должен быть особо хорош. Стремного и бросить можно без особого повода.

– Потихонечку, пожалуйста, – оглядываюсь и втягиваю голову в плечи. Болтать о сексе посреди университетского кафе совершенно ужасная затея. По крайней мере, у меня есть ощущение, что все слышат звонкий Анькин голос и обращаются именно на нас.

– Хорошо, тогда, может быть, наш Пашка? Половинкин, который. Сколько раз он к тебе подкатывал? Шесть? Даже после второго динамо надежды не теряет. И сейчас он ни с кем не встречается, я узнавала. Никто к тебе не придет, чтобы глаза выцарапать.

– Не-е-ет, – со стоном утыкаюсь лбом в ладони, – он же дурак полнейший. Рассказывает только о себе любимом. Сколько кило от груди жмет, сколько нокаутов на тренировке прописал сопернику. Самое главное – врет, как дышит. Если бы он столько народу нокаутировал, Кличко бы у него автограф брать пришел.

– Ну и пусть врет, если член не восемь сантиметров, – практически роняет Анька, выдув последний компот из стакана и поднимается из-за стола, – придержи мое место, я за эклером себе все-таки схожу.

Уф-ф-ф, можно подумать, у меня на некоторое время бетонную глыбу с плеч сняли. Пять минут, пока Анька торчит в очереди, можно передохнуть.

– Кэтти! – только я расслабляюсь – и один большой кабздец обрушивается на мою голову. Один большой кабздец – это Андрей Костров. Из всех заносчивых придурков на нашем курсе – он просто чемпион всего факультета. Еще и называет всех вот так, на американский манер. Утверждает, что его папаша заберет его сразу после универа в Америку, где у него строительный бизнес. У меня, конечно, вопрос – нахрена нужны в Америке такие бестолковые архитекторы, но пусть уж американцы сами с этим разбираются.

– Чего тебе, Костер, – зыркаю на него недовольно, – это Анькино место. А ты вообще-то не замечал меня. Можешь и дальше не замечать.

– Кэтти, Кэтти, Кэтти, – Андрюха укоризненно покачивает головой, – это не я тебя не замечал. Это ты перестала приходить на мои тусовки.

– Жизненная ситуация изменилась, – отрезаю холодно.

– Бывает, – широко улыбается Костров, и двигается ко мне ближе, – я понимаю. Не обижаюсь. Даже хочу загладить эту свою вину. Мне предки тачку купили. Не хочешь её обновить?

– В каком это смысле? – приподнимаю брови недоуменно.

– Ну, – пальцы Кострова касаются моего плеча, выписывают на нем какую-то загогулину, – покатаемся, на город посмотрим. А потом... Может, еще чего придумаем. У меня задние сиденья такие широкие, много чего на них нафантазировать можно.

– Костер, иди в баню, – предлагаю устало, – ну или в сауну, куда там вы с парнями недавно проституток вызывали? Пройдет спермотоксикоз, тогда приходи, пообщаемся.

– Кэтти, ну чего ты ломаешься? – возмущается Костров. – Я же слышал, что ты думаешь, с кем бы тебе без обязательств пар спустить. Чем я тебе плох?

– А чем хорош? – язвительно окидываю его взглядом.

– Да хоть чем, – Костров нахально задирает футболку, демонстрируя кубики пресса, – смотри, шесть штук. А поедешь со мной кататься – разрешу тебе их потрогать.

Смотрю. Наклоняю голову вправо. Наклоняю влево. Фыркаю.

– И в сколько случаях это обычно срабатывает, а, Костер?

– В ста, конечно, – самодовольно лыбится этот павлин, – это вообще мое секретное оружие, когда морды лица и слов “новая тачка” уже не хватает. Уж если дошло до этого – отказать мне просто невозможно. И ты давай, не порть мне статистику.

Смотрю на него и ужасно хочу... Да-да, взять и испортить эту самую статистику. Потому что, ну что этот смазливый мажор о себе возомнил? Что до приторности сладкая физиономия ему обеспечит без меры сладкую жизнь?

– Костер, – модный Анькин ботиночек пинает ножку стула, – ты чего это тут свою задницу запарковал? Это мое место. Сгинь.

Спорить с Анькой не любит никто. Потому что её тусовки самые веселые, потому что её папа – самый влиятельный из влиятельных пап на курсе, да и потому что её парень-хоккеист вообще не любит, когда у его девушки плохое настроение. И разговор у него простой, выбесил Аньку – получи по зубам. Трое таких везунчиков у нас на курсе уже есть. Хочет ли Костров стать четвертым? Да нет, конечно! Он своим оскалом дорожит, он у него недешевый.

– Ладно, ладно, Энни, не сердись, – примиряюще тянет он, поднимаясь, – я всего лишь понял, как жутко по Кэт соскучился. Решил поздороваться, – а потом, склоняясь к самому моему уху шепчет, – если надумаешь – садись со мной на паре. Пита я уже согнал.

– Чего хотел-то? – Анька с подозрением щурится Кострову вслед.

– Да так, – закатываю глаза, – покататься звал. На новой тачке. Ну и... Сама понимаешь.

– Оу, – Анька ликующе округляет глаза, – слушай, это же просто отлично. Ты только надумала – и тут он. На ловца и антилопа скачет, так ведь говорят?

– Говорят “и зверь бежит”, – занудно ворчу я, – ну не знаю, Ань. Он такой придурок местами.

– Кисуля, – Анька издает мученический стон, – я тебе гарантирую, с твоей переборчивостью, ты помрешь девственницей. Потому что Костров – прикольный чел, и очень симпатичный. С ним тебе не будет ни скучно, ни противно. Чего тебе еще надо-то?

– Не знаю, – поднимаюсь из-за стола, – если б знала, не было бы у меня этих проблем, Ань.

– Ты куда? – Анька обеспокоенно смотрит на меня. У неё еще недоеденный эклер и недопитая чашка кофе. Ей не хочется дергаться с места.

– Я в библиотеку зайду за методичкой, – улыбаюсь, – не парься, Нют, я не потеряюсь. Просто после следующей пары библиотекарьши точно не будет. Она всегда на час раньше сваливает.

– Ла-а-адно, – тянет Анька не особо радостно, – К Ройху только не опаздывай. С дерьмом же опять сожрет. Бегом беги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shey_dzhina/ruki-proch-professor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)